

XXXVII г.

№ 39

Выходить еженедельно (52 № в годъ), съ приложеніемъ 40 книгъ „Сборника“, содерж. соч. М. Е. Салтыкова-Щедрина и К. М. Станюковича, 12 книгъ Литературныхъ и популярно-научныхъ приложеній, 12 № № „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

Выданъ 30-го сентября 1906 г.

Подписная цѣна съ достав. и перес. на 1/2 года 4 р., на 1/4 года 2 р.

Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

г. XXXVII

1906

Къ этому № прилагается: „Полнаго собранія сочин. М. Е. Салтыкова-Щедрина“ кн. 33.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1906 г.

съ приложеніемъ 40 книгъ Сборника „Нивы“, содержащихъ:

М. Е. Салтыкова-Щедрина

остальные 30 книгъ
полнаго собранія.

Съ «Материалами для біографіи М. Е. Салтыкова» К. К. Арсеньева.

К. М. Станюковича

первая 10 книгъ
полнаго собранія

подъ редакцію и съ критико-біографич. очеркомъ П. В. Быкова.

12 выпусковъ „Литературныхъ и популярно-научныхъ приложеній“.

12 № № „Парижскихъ модъ“ и пр.

Безъ достав-
ки въ Петер-
бургъ

6 р. 50 н.

Безъ доставки въ
МОСКВѢ въ конторѣ
Н. Н. ПЕЧКОВСКОЙ,
Петровскія линіи.

7 р. 25 н.

Безъ доставки въ
ОДЕССѢ въ кн. маг.
„ОБРАЗОВАНИЕ“,
Римельевская, 12.

7 р. 50 н.

Съ достав-
кою въ Пе-
тербургъ . .

7 р. 50 н.

Съ пересылкою
во всѣ мѣстности
Россіи. . . .

8 р.

За
гра-
нцу. 12 р.

Дѣти. Картина А. А. Харламова, авт. «Нивы».

Соловей.

Разсказъ К. Баранцевича.

(Окончаніе).

IX.

Была тихая-тихая ночь, и пѣлъ соловей... Никогда еще не пѣлъ онъ такъ, какъ въ эту ночь, такъ безза-
вѣтно, такъ безумно-страстно!

Однимъ сильнымъ, короткимъ звукомъ онъ спраши-
валъ молчавшее небо и затихшую землю... О чемъ? Это
была его тайна, и, когда онъ сидѣлъ и ждалъ, какъ бы
прислушиваясь, онъ узнавалъ эти тайны земли и неба
и отвѣчалъ на нихъ своимъ пѣніемъ.

И о всѣхъ скорбяхъ земли, долгихъ скорбяхъ, — она,
въ неслышномъ стонѣ, въ тихомъ воздухѣ повѣдала ему,
а небо, далекое глубокое небо говорило ему о своихъ
радостяхъ, о своемъ вѣчномъ, безмятежномъ счастіи, о
тѣхъ незримыхъ нетлѣнныхъ существахъ, что обитаютъ
тамъ, въ безпредѣльной глубинѣ мірового пространства.

И соловей пѣлъ...

То тихой грустью нераздѣленной любви звучала его
пѣжная пѣснь, то разсыпалась она въ бурныхъ призы-
вахъ могучей молодой страсти, то призывала къ борьбѣ,
къ суровой борьбѣ за свободу, то изливалась чарующей
трелью тихой любви и полного душевнаго спокойствія...

И въ то время, когда тѣ, кто слушалъ соловья, ду-
мали, что этой спокойной трелью онъ закончитъ свою
дивную поэму, соловей вдругъ прерывалъ ее, останавли-
вался и черезъ минуту снова посылалъ въ окутавшее
окрестность ночное безмолвіе свою одинокую, короткую
ноту, свой вопросъ, и снова, объятые тоскою неизвѣст-
ности, человѣческое сердце спрашивало себя: „о чемъ?“

О чемъ пѣлъ соловей?

О счастіи ли двухъ влюбленныхъ, спрятавшихся тутъ
же близко, въ темныхъ кустахъ жимолости, о счастіи ли
всего человѣчества, угнетеннаго, страдающаго, о стра-
даньяхъ ли души того молодого существа, забитаго тра-
диціями семейнаго воспитанія, которое въ нѣсколькихъ
десятикахъ саженей отсюда изживало послѣдніе остатки
жизни, или этотъ пѣвецъ свободы воспѣвалъ борьбу съ
насилиемъ и гнетомъ и въ чудныхъ строфахъ своихъ
прославлялъ грядущее освобожденіе?..

Всѣмъ, кто слушалъ его, казалось, что онъ пѣлъ для
каждаго въ отдѣльности, для каждого у него была своя
поэма. Старому человѣку онъ напоминалъ дни его счаст-
ливой, безпечальной юности, въ юности будилъ первые
порывы любви, въ молодой дѣвушкѣ воскрешалъ неяс-
ныя и чудныя мечтанія о рыцарѣ чистой, святой любви,
рыцарѣ благородства и чести, который придетъ, свѣтлый
и радостный, разгонитъ мракъ и побѣдитъ неправду...

И всѣ стояли и сидѣли, гдѣ кому пришлось, и жадно
слушали, затанъ дыханіе...

Соловей разсыпалъ широкую серебристую трель и
вдругъ смолкъ... Онъ почувалъ врага.

Сысой и Терентій Павловичъ, оба нагнувшись и раз-
двигая чащу кустарника, очутились въ нѣсколькихъ
шагахъ отъ соловья. Сысой схватилъ съ головы шапку
и пустилъ въ птичку, но промахнулся: шапка упала на
землю на полъ-аршина отъ соловья. Тотъ въ недоумѣніи
повернулъ голову и въ нѣсколько прыжковъ удалился
въ глубину кустарника. Его удивило это нападеніе...
Онъ привыкъ къ тому, что люди собирались слушать
его, но не ловить. И, привыкнувъ къ близкому при-
сутствію людей, не дѣлавшихъ никакихъ покушеній на
его свободу, онъ довѣрчиво пѣлъ свои свободныя пѣсни.
Зачѣмъ же пришли эти люди, зачѣмъ подкрадывались
они къ нему, зачѣмъ имъ нужна его свобода, онъ самъ?

Благородный по природѣ соловей не могъ долго по-
мнить предательство и, усѣвшись на новомъ мѣстѣ, снова
запѣлъ свою пѣснь.

А въ кустахъ тѣмъ временемъ шелъ тихій и злобный
разговоръ.

— Ишь ты хватилъ! — шепталъ Терентій Павловичъ: —
чему обрадовался? Развѣ можно шапкой? Вѣдь ты бы
его придушилъ! Сразу капутъ!

— Ну, вотъ еще! Вѣдь не попалъ, такъ чего же...

— Еще бы попалъ! Тутъ бы ему и капутъ! Кто же
шапкой кидаетъ?

— Ну, вотъ тебѣ, а чѣмъ же?

— Сѣточка есть! Говорилъ: подожди! Сѣточку опро-
стаю! Чего торопился!

— Жди твоей сѣточки! Гдѣ она?

— Тутъ (Терентій Павловичъ показалъ какой-то пред-
метъ на длинной палкѣ). Дай время, — нашъ будетъ!
Пусть распоеется! Онъ, какъ распоеется, такъ что тетеревъ:
ничего не слышитъ! Тутъ его и бери! Тише! Тсс! Запѣлъ!..

Оба притаились въ кустахъ. Соловей пѣлъ.

Третья фигура — Ивана Поліевктовича — на короточкахъ
подползла къ двумъ первымъ. Всѣ трое молчали и
ждали, когда соловей „распоеется“. Терентій Павловичъ
выпросталъ и держалъ наготовѣ сѣтку.

Вдругъ онъ, какъ кошка, прыгнувъ въ чащу, и гру-
бая брань сорвалась съ его губъ.

— Чортъ, дьяволъ! Вѣдь вотъ-вотъ былъ подъ сѣткой —
и выскочилъ! Ну, и ловокъ, каналья!.. Припалъ къ землѣ, да
по землѣ горошкомъ, изъ-подъ сѣтки!.. Такъ и вывернулся!

— Улетѣлъ? — спросилъ Иванъ Поліевктовичъ.

— Нѣтъ! Онъ отсюда далеко не улетитъ! Мѣсто на-
сиженное!

— Насиженное-то насиженное, а ежели мы его очень
безпокоить станемъ, такъ онъ, братъ, и того! Мое вамъ
почтеніе, скажетъ!

— Не скажетъ! Вотъ мы его, немного погоды, опять
сѣточкой накроемъ!

— Ну, ну!

Товарищи по преступленію затихли. Затихъ и соло-
вей. Въ оскорбленномъ недоумѣніи онъ смотрѣлъ по сто-
ронамъ, настороженный, боязливый, не зная, съ которой
стороны ждать нападенія.

— Замолкъ соловей-то! — шопотомъ сообщилъ подря-
чикъ-плотникъ машинисту.

— Да вотъ, сволочь, пришли ловить! — недовольнымъ
тономъ проворчалъ тотъ.

— Этакая подлость! — шопотомъ жаловался студенту
учитель Аксюковъ: — какіе-то мерзавцы забрались въ
кусты и ловятъ соловья! Это просто возмутительно!

— Чтѣ же дѣлать, Петръ Викторовичъ, мало ли воз-
мутительнаго совершается у насъ! — отвѣчалъ студентъ.

— Но нельзя же равнодушно...

— А чтѣ вы станете дѣлать? Протестовать? Вамъ ска-
жутъ, что соловей поетъ не въ нашемъ саду, что соло-
вей никому не принадлежитъ, значитъ, составляетъ соб-
ственность того, кто его поймастъ! И все это вамъ ска-
жутъ на самомъ законномъ основаніи. И эти мерзавцы,
затроньте вы только ихъ, наговорятъ вамъ того, чтѣ вы
и вообразить не можете, да еще донесутъ о вашей не-
благонадежности. Нѣтъ, что касается меня — я пойду
домой! Тяжело и противно оставаться, да и не зачѣмъ:
пѣвецъ почувалъ опасность и замолкъ!

— Погодите меня, и я съ вами!..

Публика, собравшаяся послушать соловья, начала по-
немногу расходиться; трое ловцовъ остались и попреж-
нему выслѣживали птичку...

— Вонъ, вонъ онъ перелетѣлъ! — сообщилъ шопотомъ
Сысой.

— Гдѣ? — дрожащимъ отъ злобы и нетерпѣнія голо-
сомъ спрашивалъ Терентій Павловичъ.

— Да вонъ, направо! Не видишь, что ли? Трафъ туда
сѣткой-то! Ну, ну! Вотъ такъ! Ну! Эхъ, ты, братецъ
мой, опять промахнулся!

— Чортова птица!—скрипѣлъ зубами Терентій Павловичъ.

— Знаете что, братцы?—воскликнулъ Сысой, которому внезапно пришла гениальная мысль:—а я придумалъ! Ей-Богу, ловкую штуку придумалъ!

— Ну, ну, что такое?

— Мы его такъ никогда не возьмемъ! Ни-ни! А его нужно вотъ какъ брать: мокраго!

— Какъ это такъ: мокраго?

— А очень просто: облить его!

— Гм! А вѣдь это дѣло! Какъ же ты его обольешь?—спросилъ Иванъ Поліевковичъ.

— А я знаю какъ!—воскликнулъ Терентій Павловичъ:—изъ садовой спринцовки, вотъ какъ! Сысой, голубчикъ, бѣги скорѣе ко мнѣ на квартиру, тамъ большую спринцовку у жены спросишь,—на двѣ сажени съ лишнимъ бьешь! Валяй, Сысой, поскорѣе, да по дорогѣ воды намери изъ рѣчки! Ухъ, чуя я, будетъ нашъ соловей!

— Да, ежели не улетитъ.

— Не улетитъ! Вонъ онъ сидитъ, головой поворачиваетъ, прислушивается! Бѣги, Сысой!

Сысой выскочилъ изъ кустарника и заковылялъ по берегу рѣчки. Онъ хотъ и былъ хромъ, а бѣгалъ шибко, и черезъ десять минутъ, которыя пріятели провели въ полной тишинѣ и мертвомъ молчаніи, юркнулъ опять въ кусты съ большимъ мѣднымъ цилиндромъ въ рукѣ.

— Видишь ты его?—спрашивалъ Терентій Павловичъ:—что-то мнѣ затмеваетъ!

Отъ волненія и злобы, которая кипѣла въ немъ, какъ кипятокъ въ котлѣ, зрѣніе его дѣйствительно „затмевали“ какіе-то плясавшіе сверху внизъ и обратно красные кружки.

— Эва, какъ не видать! Очень хорошо вижу! Сидитъ, голубчикъ, пригорюнясь, и пѣсни свои забылъ!

— Вотъ ты ему подсыпь, пѣвуну-то! Подсыпь ему хорошенько, чтобъ его на земь смахнуло!—зlobетовалъ Терентій Павловичъ.

— Ты не очень-то! Убьешь еще!—подалъ голосъ Иванъ Поліевковичъ.

— Нишкни!—отмахнулся осторожно двигавшійся впередъ Сысой:—не знаютъ безъ тебя, что ли? Тш... ш!..

Вдругъ что-то словно свистнуло въ воздухѣ; радостное рычанье вырвалось изъ груди Сысои, и онъ бросился въ чащу. Сунувшійся вслѣдъ за нимъ наступилъ на что-то круглое, скользкое и съ размаха полетѣлъ въ кусты, до крови опаралавъ себѣ щеки.

— Вотъ онъ!—тихо и торжественно произнесъ Сысой, держа что-то въ пригоршнѣ и прижимая къ груди:—сердчишко-то какъ у бѣдняги бьется!

И что-то похожее на жалость послышалось въ этихъ словахъ.

— Въ клѣтку его, въ клѣтку! Гдѣ клѣтка? Въ клѣтку его!—шопотомъ, задыхаясь, приказывалъ Терентій Павловичъ.

— Скорѣе, братцы! Да гайда вонъ!—волновался Иванъ Поліевковичъ,—машинистъ за сторожами пошелъ... хотятъ насъ по-свойски!

— Ладно! Ищи вѣтра въ полѣ!—воскликнулъ Сысой, колесомъ выкатился изъ кустарника и, съ клѣткой подмышкой, пустился вдоль берега тихой и сонной рѣчки.

Х.

Три черныя тѣни, одна за другой, бѣжали черезъ поле въ деревню. Самая маленькая, принадлежавшая Сысой, съ поразительной быстротой катилась впередъ, докатилась до шоссеиной дороги и исчезла среди темныхъ построекъ; двѣ другія скоро послѣдовали за ней.

Въ чайной Полоротова все было приготовлено къ приходу дорогихъ гостей. На столѣ красовался „для видимости“ громадный пузатый чайникъ, вмѣщавшій водку; тутъ же лежали: хлѣбъ, соленые огурцы, куски соленой рыбы, и валялись двѣ грязныя, съ выломанными зубьями, вилки.

Хозяинъ—тщедушный мужичонко съ рыжей, какой-то

рваной бородкой, и съ бѣльмомъ на правомъ глазу, открылъ дверь Сысой, принялъ изъ его рукъ клѣтку, поставилъ ее въ сторону, на столикъ, и закрылъ отъ свѣта тряпицей.

— Фу, задохся!—прошепталъ Сысой, почти падая на стулъ съ грубымъ сидѣньемъ изъ какой-то соломы:—много ли пробѣжалъ, а задохся!

— Шибче всѣхъ, стало, бѣжалъ?

— Да ужъ припустилъ ходу! Нельзя, нужно было торопиться! Желѣзнодорожные могли такъ наклеить... За соловья-то.

— Оно, конечно! Птичка ихняя, потому въ ихнемъ саду.

— Ну, а все-таки благополучно?

— Въ лучшемъ видѣ! Посмотри, вонъ сидитъ!.. Я его какъ фукнулъ изъ фукалки-то, такъ онъ ажъ въ перекувырку!

— Оно, конечно, водой самое лучшее дѣло!

— А яйца муравьиныя есть?

— Есть. Привезъ! Дороги нынче яйца-то! Полтора рубля фунтъ!

— Что ты?

— Вѣрно слово! Ни за что меньше не отдають! Подождите, говорятъ, до осени, подешевѣють! Такъ что ужъ я съ рубля девять гривенъ истратилъ,—пятиалтынный, значить, за походъ!

— Много ты берешь за „походы“-то!

— Что дѣлать: мнѣ вѣдь нужно было по своимъ дѣламъ не въ ту сторону; нарочно заходилъ!

— Ну, тамъ поговоримъ! А вотъ и наши!

Черезъ пять минутъ вся компанія, вмѣстѣ съ хозяиномъ и еще какимъ-то подозрительнаго вида субъектомъ въ пиджакѣ и холстинковыхъ штанахъ, пила водку, наливая ее изъ чайника въ стаканы и закусывая огурцами съ рыбой. Сысой ораторствовалъ больше всѣхъ, хвастая своимъ подвигомъ.

— Ловить бы тебѣ до скончанія вѣка, Терентій Павловичъ!—кричалъ онъ:—и все-таки не поймать, кабы не я.

— Да ужъ что говорить!—не то сконфуженно, не то ядовито усмѣхался тотъ:—одно слово: ловецъ!

— Вотъ и ловецъ! Ну, что ты съ своей сѣткой? Что?

— Сѣтка сѣткой и останется!

— Оно вѣрно, что останется, да ни къ чему она!.. Вотъ оно что!

— Оно, конечно, водой!—подалъ голосъ Полоротовъ.

— Водой! А кто воду придумалъ? А?

— Ладно, слышали!

— То-то „слышали“! Слышали-то вы слышали, а раньше гдѣ были! Вѣдь вы птицу убить могли, а я ее чистенькую взялъ, ни одного, значить, перышка не повредилъ. Только-что маленько смочило ее, да ужъ теперь она обсохла! Перышка не уронить! Я ее такъ чистенькую и купцу снесу.

— Всѣ понесемъ! А то ты деньги возьмешь, ищи тебя потомъ!

— Зачѣмъ? Я честно раздѣлю, какъ уговоръ былъ...

— Да, „честно“! А, помнишь, прошлую осень дерево барину продалъ?—упрекнулъ Иванъ Поліевковичъ.

— Ну? Продавъ, ну?

— Уговоръ былъ пополамъ, а ты всѣ семь гривенъ себѣ взялъ, да умылся! Несли-то изъ лѣсу вмѣстѣ.

— „Несли“! Ахъ, ты, чудакъ-голова! „Несли“! А кто рубилъ-то? Вѣдь я рубилъ дерево, я опасности подвергался! А онъ „несли“! Чудодѣй!

— Ну, да ладно! Съ тобой не сговоришь! А птицу вмѣстѣ ловили, вмѣстѣ и понесемъ!

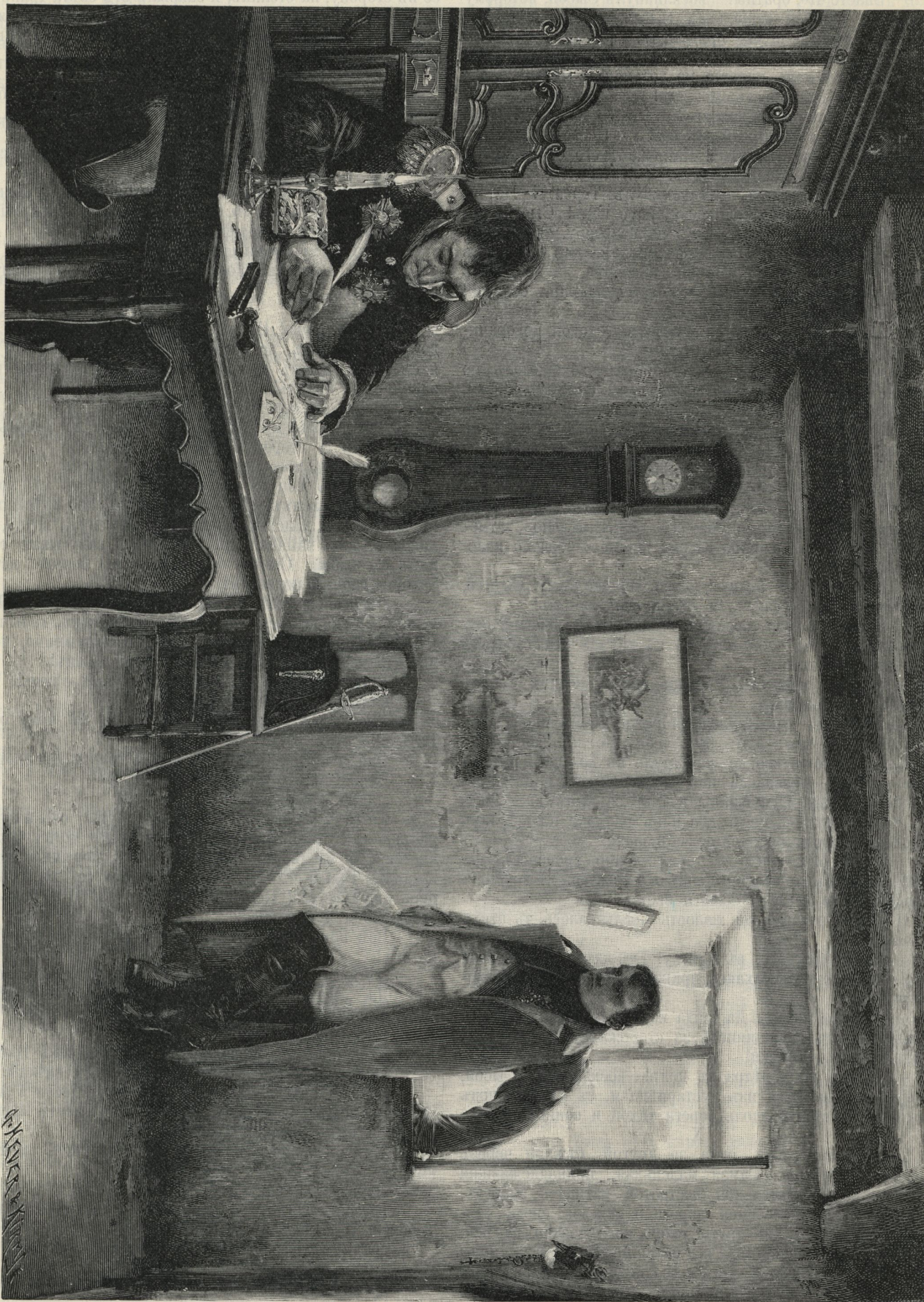
— Ловилъ ты, какъ же!

— Сысой!—погрозилъ пальцемъ достаточно пьяный Терентій Павловичъ:—не балуй!

— Чего „не балуй“! Да по мнѣ все равно! Всѣ, такъ всѣ и понесемъ!

— То-то и оно!

Всѣ были пьяны, и каждый хвастался какимъ-нибудь подвигомъ, носившимъ по преимуществу воровской характеръ. Полоротовъ разбудилъ мальчишку, велѣлъ ему

Наполеонъ диктуеъ маршалу Бертъе свои распоряженія. Картина Ж. Менье, гравюра Кирмзе.

Adolf Herzig

Казнь нюрнбергского книгопродавца Пальма в Брану. Картина Адольфа Геринга, гравюра Фобаха.

поставить самоваръ, и, когда самоваръ вскипѣлъ, компанія принялась за чаепитіе, разнообразя это полезное занятіе приемами водки.

Маленькія, грязныя, засиженныя мухами окна чайной начали замѣтно яснить разсвѣтомъ. Гдѣ-то на деревнѣ прогорланилъ пѣтухъ и послышались звуки пастушеской дудки.

— Неужто четыре часа?—воскликнулъ Терентій Павловичъ.

— А ты бы что думалъ?—отвѣчалъ Сысой:—сейчасъ нашъ соловушко проснется... Корму нужно ему дать.

— Можеть, проснулся!—подавъ голосъ Иванъ Поліевктовичъ.

— А вотъ посмотримъ!

Сысой всталъ съ мѣста, и хотя былъ пьянъ, но скрѣпился и началъ потихоньку не столько подходить, сколько подползать къ клѣткѣ, совсѣмъ такъ, какъ подползалъ къ соловью въ кустахъ, сдѣлавъ товарищамъ знакъ, чтобъ они молчали.

Всѣ повернули головы въ его сторону и видѣли, какъ Сысой тихо-тихо протянулъ къ тряпкѣ руку и началъ чуть замѣтно стаскивать ее, въ то же время стараясь заглянуть во внутренность клѣтки.

Вдругъ, невольнымъ движеніемъ руки, онъ сдернулъ тряпку всю, сразу, и словпо подъ дѣйствіемъ электрическаго тока отскочилъ.

Лицо его сдѣлалось бѣлымъ, какъ бумага.

Всѣ бросились къ клѣткѣ...

Соловей съ скрюченными лапками лежалъ на спинѣ, на усыпанномъ пескомъ донышкѣ клѣтки.

— Замялъ! Чортъ, дьяволъ!—кинулся на Сысою съ кулаками побагровѣвшій Терентій Павловичъ.

Иванъ Поліевктовичъ, Полоротовъ и субъектъ въ холстинныхъ штанахъ заступили хромого.

— Я-то замялъ!—крикнулъ тотъ:—врешь, анаема! Я его вотъ какъ несъ... какъ пушинку! Онъ у меня жилъ... по клѣткѣ прыгалъ... Спроси-ка Евстигнѣича!..

— Съ чего же это онъ? Диковинное дѣло!—удивлялись Иванъ Поліевктовичъ, Полоротовъ и садовникъ.

— Съ чего? Съ горя!—подавъ голосъ субъектъ въ холстинковыхъ штанахъ:—ты то разсуди: онъ къ волѣ привыкъ, а тутъ накося—въ клѣтку!

— Бреши больше!—махнулъ рукою Терентій Павловичъ:—другіе же живутъ и въ неволѣ!

— Разные соловьи бываютъ, милый!—наставительно замѣтилъ незнакомецъ и потянулся къ водкѣ.

Сысой, по порученію товарищей, отправился во дворъ Бумазѣва сообщить о несчастіи съ соловьемъ. Несмотря на поздній часъ утра, двери вездѣ, даже въ лавку, были заперты, а съ окна комнаты Сени не была даже снята ставня.

Сысой пробрался во дворъ. Тамъ, среди саней, оглобелъ и всякаго хлама, копошилась хмурая фигура Елизарыча.

— Чего тебѣ?—окликнулъ онъ Сысою.

— Да вотъ къ Веденю Спиридоничу... насчетъ того, что какъ онъ просилъ соловья...

— До соловья ему теперь, какъ же! У него въ ночь сынъ померъ!

— Царствія ему небеснаго!—перекрестился Сысой...

К О Н Е Ц Ъ.

Грозный дука.

(Тосканская легенда).

Н. Н. Брешко-Брешковского.

Посвящается И. Г. Волкову.

I.

Еще недѣлю назадъ Аннунціанита была бѣдной дѣвушкой, дочерью скромнаго Бандинелли изъ Віарреджіо. А теперь она—знатная дукесса Риппа-Форте, супруга одного изъ богатѣйшихъ и могущественнѣйшихъ аристократовъ Тосканы.

Она—владѣтельница этого стараго замка, крѣпко угнѣздившагося на вершинѣ крутой скалы. Ей принадлежатъ эти безбрежныя пространства зеленыхъ луговъ и полей, что видны такъ далеко изъ стрѣльчатыхъ узкихъ оконъ.

Но что ей въ этомъ богатствѣ, въ холодномъ почетѣ и въ этихъ живописныхъ, изборожденныхъ причудливыми холмами, лугахъ, если она можеть любоваться ими лишь сквозь желѣзную рѣшетку своего окна... Ревнивъ, страшно ревнивъ дука Гвидо Риппа-Форте. Ревнуетъ онъ свою молодую супругу даже къ вольному воздуху, чтобы не обвѣялъ прерасное лицо ея своимъ ароматнымъ, свѣжимъ дыханіемъ.

Въ нѣсколько дней сбѣжалъ здоровый дѣвичій румянецъ и поблѣднѣла Аннунціанита. Украдкой (гнѣвается дука при видѣ слезъ) молодая дукесса плачетъ. Съ тоской вспоминаетъ она умчавшіеся навсегда безмятежные дни. Тамъ, въ родномъ Віарреджіо, она была вольной птичкой. Цѣлые дни проводила Аннунціанита на горячемъ отъ солнца прибрежномъ пескѣ. И съ нею, лепечущій что-то свое непонятное, дѣтское, маленькій братишка Пьетро. Она то плескалась въ перемѣнчивыхъ изумрудныхъ волнахъ моря, какъ бѣлая, серебристая рыбка, то уходила въ прохладную тѣнь смолистой, благоухающей пинетты...

Яркіе, беззаботные дни, гдѣ вы? куда умчались? О, если-бъ не суровая воля отца, Аннунціанита никогда бы не промѣняла ихъ на это орлиное каменное гнѣздо-клѣтку. Дука Гвидо позолотилъ ея рабство пышными, дорогими ожерельями и діадемами, серьгами, нитями крупнаго жемчуга, но не приносить все это желанной утѣхи. Что ей въ этихъ сокровищахъ, что ей въ сокровищахъ цѣлаго міра, если отъ холодныхъ поцѣлуевъ мужа стынутъ ея коралловыя губы!..

Еще была она невѣстой, а уже смутныя предчувствія омрачали ее. Черная слава про сильнаго дуку Риппа-Форте бѣжала по всей Тосканіи. Передавали изъ устъ въ уста, что дука отравилъ девять женъ. Аннунціанита была десятая.

Чистый и кроткій, нѣжный полуребенокъ отказывался вѣрить такому неслыханному, чудовищному злодѣйству. Нѣсколько разъ Аннунціанита хотѣла спросить мужа, правда ли это, но вопросъ замиралъ на губахъ...

Прозорливый дука самъ пошелъ навстрѣчу. Криво усмѣхаясь тонкими губами, онъ сказалъ:

— Аннунціанита, дорогая жена моя, у меня много завистниковъ и враговъ. Они выдумываютъ, эти жалкіе, презрѣнные люди, выдумываютъ всякія небылицы про меня и пускаютъ ихъ гулять по свѣту. Они сдѣлали изъ меня отравителя, убійцу. Аннунціанита, если какая-нибудь клевета осквернила твое ухо, не вѣрь ни единому слову—все ложь!

Ахъ, какъ бы хотѣлось молодой дукессѣ, чтобъ все это оказалось ложью! Смутно внимая словамъ дуки, она желала угадать въ его глазахъ правду. Но дука не смотрѣлъ на жену. Онъ смотрѣлъ куда-то въ сторону...

Аннунціанита поблѣднѣла, содрогнулась. Дука замѣтилъ это.

— Я люблю тебя. Я умѣю любить, но я становлюсь жестокимъ, если... если хоть маленькое подозрѣніе закрадется въ мою голову. Тогда нѣтъ никому пощады!..

Въ дни свадьбы, среди многочисленныхъ пирующихъ гостей, подъ веселую музыку и звонъ кубковъ, Аннунціанита была слишкомъ захвачена новыми впечатлѣніями, чтобы отдаться своимъ сокровеннымъ думамъ.

Но уѣхавъ изъ замка послѣдній гость, съ лязгомъ цѣпей взвился кверху подъемный мостъ, а молодая дукесса вдругъ почувствовала себя такой одинокой, затерянной въ этомъ громадномъ урюмомъ замкѣ, огражденномъ отъ всего міра скалой, высокими стѣнами и семью остроконечными башнями! Къ обѣду и къ ужину покидала она свою рѣшетчатую полутемницу-полукелью. Въ мрачной столовой съ тяжелыми,

гнетущими сводами садились за свои приборы трое: дука, дукесса и четырнадцатилѣтній Лоренцо, сынъ Риппа-Форте отъ первой жены.

Тонкій, блѣдный Лоренцо въ длинныхъ каштановыхъ локоняхъ, ровно подрѣзанныхъ спереди и отбѣнявшихъ его чистый, восковой лобъ, поражалъ глубокой, навсегда застывшей въ его голубыхъ глазахъ грустью. Дука, желѣзный дука, не страшившійся даже смерти и не разъ кидавшій ей дерзкій вызовъ, избѣгалъ скорбнаго взгляда Лоренцо. Всегда ему чудился въ немъ невысказанный молчаливый упрекъ.

По вечерамъ Аннунціанитѣ разрешалось гулять въ саду. Одна Аннунціанита не смѣла выйти. Всегда неотступно сопровождала ее старая камергера Марія. Эта недобрая хитрая женщина отличалась безавѣтной преданностью дукѣ Гвидо. Съ Аннунціанитой она была почтительна, но сквозь это смиреніе давала себя знать порабошающая воля.

— Свѣжѣть, дукесса можетъ простудить свою лебединую шею и замочить въ росѣ свои крохотныя ножки.

Въ устахъ Маріи эта заботливая фраза была приказаніемъ, и Аннунціанита спѣшила въ замокъ.

Она не смѣла ослушаться старой камергера, если-бъ даже ей очень хотѣлось остаться погулять въ саду при вечернемъ закатѣ, когда солнце, прощаясь, озаряло трепетнымъ розовымъ свѣтомъ верхушки стройныхъ кипарисовъ и душистыхъ сребролиственныхъ магнолій.

Глядя вверхъ, въ голубое поблѣднѣвшее небо, гдѣ въ воздухѣ властно разметалъ свои могучія крылья парящій ястребъ, молодая дукесса съ тихимъ вздохомъ провожала затуманеннымъ взглядомъ вольную птицу.

Садъ, густой, заросшій, неправильными уступами спускался внизъ, упираясь въ каменную стѣну. Тамъ, у стѣны, защищенной глухимъ кустарникомъ, скрывался ведущій въ какое-то подземелье склепъ. На желѣзныхъ дверяхъ съ кольцомъ висѣлъ замокъ.

Томимая жуткимъ любопытствомъ, Аннунціанита пробовала нѣсколько разъ подойти къ маленькому круглому окошечку... Тянуло ее туда неудержимо... Но Марія подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ не пускала ее къ таинственному окошечку.

— Тамъ ничего нѣтъ, а дукессѣ можетъ померещиться что-нибудь страшное, и она не сомкнетъ своихъ чудныхъ глазъ. Я должна стремиться, чтобъ святыя ангелы навѣвали прекрасной дукессѣ безмятежные сны.

II.

Внизу, невдалекѣ отъ подножія скалы, проходила большая дорога изъ Пизы въ Лукку. Узенькой, едва примѣтной тропинкой казалась она сверху Аннунціанитѣ. Молодая дукесса съ завистью смотрѣла на бѣдущихъ по этой дорогѣ, въ особенности, если они направлялись въ Пизу. Тамъ недалеко, у голубого плещущаго моря, ея родное Віарреджіо, куда она стремилась такъ безутѣшно всѣми помыслами, всѣмъ существомъ своимъ...

Если-бъ ей было знакомо тщеславіе, она могла бы, пожалуй, утѣшиться блескомъ и пышностью, окружавшими дуку Гвидо, которые озаряли своими отблесками и жену его. Лукка считала своимъ главнымъ оплотомъ замокъ Риппа-Форте. Высокомѣрно, не приглашая даже садиться, принималъ гордый Гвидо императорскихъ пословъ. Враги боялись его. Онъ не зналъ боевыхъ неудачъ и вмѣстѣ со своими вассалами, покорно стекавшимися на его зовъ, на голову разбивалъ миланцевъ и гражданъ Комо и Пизы.

Слава Риппа-Форте бѣжала далеко за предѣлы родины. Странствующие трубадуры изъ южной Франціи стремились попасть въ замокъ, чтобъ пѣть тамъ сложенные въ честь дуки Гвидо свои хвалебныя пѣсни.

Частые пиры немолчными праздниками затягивались по цѣлымъ недѣлямъ. За многочисленными шумными обѣдами выпивалось цѣлое море фалернскаго, которое привозили изъ Поцуоли въ крѣпкихъ боченкахъ на нѣсколькихъ кароцкахъ. Сбѣжались подъ кровъ замка и германскіе рыцари, закованные въ желѣзо гиганты, и смуглые гости Востока въ тюрбанахъ и широкихъ цвѣтныхъ одеждахъ, и венеціанскіе

патриціи, медлительные, стройные, важные, въ шапочкахъ, которыя закрывали уши, и съ золотой на груди цѣпью тонкой работы.

Но во время этихъ веселыхъ, разгульныхъ пировъ, когда звенѣли кубки, а рокотъ струнъ трубадуровъ сливался съ ихъ пѣсней, когда кругомъ не смолкали громкія рѣчи о красавицахъ, походахъ и битвахъ, дука Гвидо хранилъ холодный, суровый видъ. Душой онъ отсутствовалъ. Душа его была тамъ, гдѣ сидѣла одиноко его подневольная плѣнница. Ревнивый Гвидо не разрешалъ ей спускаться къ общему столу. Онъ вѣчно терзался мыслью, отчего грустна Аннунціанита, о комъ она думаетъ? Быть-можетъ, въ Віарреджіо на морскомъ берегу остался юный и гибкій, черноокий нищій рыбакъ, вспоминая котораго, ощущаетъ она въ сердцѣ и дрожь и трепетъ.

Въ минуты черныхъ сомнѣній дука Гвидо покидалъ своихъ гостей и черезъ анфиладу комнатъ и узкихъ запутанныхъ коридоровъ по каменной винтовой лѣстницѣ поднимался къ женѣ. При видѣ его, Аннунціанита затихала, замирала, какъ подбитая птичка, притаившаяся въ густой травѣ отъ жестокаго, ищущаго ее охотника. Гвидо молча стоялъ передъ ней и смотрѣлъ своимъ непроницаемымъ, таинственнымъ взглядомъ, отъ котораго нѣжная хрупкая Аннунціанита вся цѣпенѣла... Долго стоялъ онъ такъ, сухощавый, не по лѣтамъ стройный, въ короткомъ съ откидными широкими рукавами кафтанѣ, перетянутомъ усыпаннымъ драгоценными камнями поясомъ. Длинноволосый дука съ обширнымъ, изборожденнымъ морщинами лбомъ, подъ которымъ глубоко сидѣли острые, какъ два кинжала, глаза, съ костистымъ лицомъ и подернутой сѣдиной бородкой, въ узкихъ, обтягивавшихъ сухощавыя мускулистыя ноги, цвѣтныхъ панталонахъ, напоминалъ какую-то мрачную, недобрую силу, какого-то злого духа.

Сжимая длинными желѣзными пальцами бѣлую, почти дѣтскую руку Аннунціаниты, онъ низко склонялся надъ нею, не отрывая загорающагося взгляда.

— Назови его, кто онъ?

Голубыя—вотъ-вотъ наполнятся слезами—прекрасныя очи Аннунціаниты молили пощадить ее.

Но Гвидо крѣпче сжималъ ея руку и еще ниже склонялся къ бѣломраморному точену лъцу.

— Назови его! Слышишь! Кто-бъ ни былъ онъ, я тогда только успокоюсь, если его не будетъ на свѣтѣ. Онъ не долженъ существовать. Горе ему!

— Дука, заклинаю, не спрашивайте. Я никого не любила... Я любила маленькаго брата Пьетро, любила море. Ахъ, какъ бы мнѣ хотѣлось увидѣть Пьетро, обнять его.

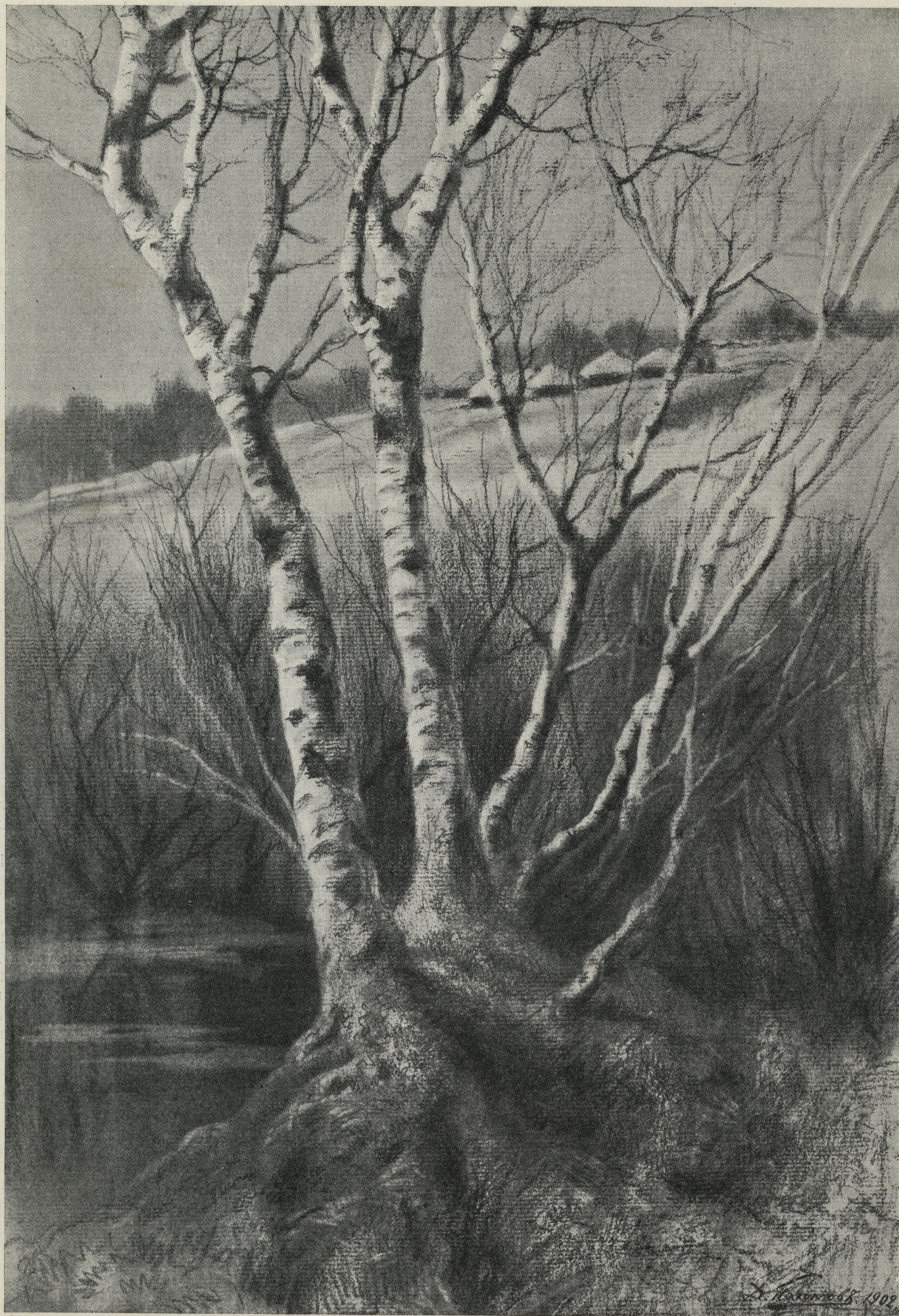
— Этого никогда не будетъ! Надо забыть Віарреджіо. Навсегда забыть все, что въ моего замка.

Гвидо уходилъ отъ жены еще болѣе подозрительный, гнѣвный. Со своей неотступной больной ревностью, онъ задыхался въ замкѣ. Ему было тѣсно, онъ рвался забыться въ бѣшеной скачкѣ. Трубили мощнымъ призывомъ десятки роговъ, и далеко въ горахъ откликалось перекатами эхо. Конюхи спѣшно сѣдлали коней, лаяли своры собакъ. Съ лязгомъ цѣпей падалъ подъемный мостъ, грохоталъ подъ копытами, и сотни всадниковъ выѣзжали на охоту. Длинной, пестрой вереницей опускались они съ крутой скалы. Несчастьемъ для бѣдныхъ окрестныхъ поселянъ была эта рыцарская забава. Охотники не разбирали дороги. Вытаптывались цѣлыя нивы. Семьи, деревни обрекались на голодъ.

Какъ одержимый стремительнымъ вихремъ, носился дука на гнѣдомъ скакунѣ. Бѣлой пѣной покрывался черный измученный конь. И на сжатыхъ тонкихъ губахъ дуки Гвидо выступала пѣна. Напрасно зывали къ Мадоннѣ встрѣчавшіеся поселяне. Жажда опьяненія кровью властно охватывала Гвидо. Риппа-Форте натягивалъ упругій лукъ, со свистомъ летѣла стрѣла, и несчастный, пораженный прямо въ сердце, падалъ, какъ скошенный. Твердая рука и зоркій глазъ дуки не вѣдали промаха.

III.

Въ какомъ-то забытѣ сидѣла Аннунціанита у окна въ эту лунную ночь. Даль таяла въ прозрачной дымкѣ серебристаго

Первый снѣгъ. Рисунокъ Д. А. Пахомова, авт. «Нивы».

тумана. Яркой сверкающей лентой отливала рѣка. Длинная, острая тѣнь отъ скалы и замка падала на свѣтлыя, залитыя луннымъ сіяньемъ равнины.

Съ трудомъ удалось Аннунціанитѣ открыть узорчатое окно. Вмѣстѣ съ яркой зеленоватой полосой луннаго свѣта, струился въ ея келью насыщенный какими-то пріятными благоуханіями ласкающій теплый воздухъ. словно нерукотворныя божьи свѣчи—эти залитые сіяньемъ кипарисы. А невидимый, затаившійся въ вѣтвяхъ платана соловей звонко, нѣжно и страстно поетъ свой серебряный гимнъ любви.

Долго не могла Аннунціанита заснуть. На рѣсницахъ дрожали крупныя слезы. Дрожали и неслышно, въ нерѣшительномъ раздумьѣ, падали на холодный мраморъ широкаго подоконника.

А когда, откинувъ прочь горностаевое одѣяло, молодая дукесса уснула, зеленоватый блѣдный свѣтъ струился на ея подушки.

И чудится Аннунціанитѣ: окно, куда глядѣли чистыя, прозрачныя небеса, затуманилось на мгновение тѣмъ-то воздушнымъ и легкимъ, какъ грезы. И въ молчаньѣ, мертвенномъ, тихомъ, одинъ за другимъплыли въ широкой полосѣ луннаго свѣта призраки въ длинныхъ, рѣющихся безшумными складками, одеждахъ... Всѣхъ девять, всѣ красивыя молодыя женщины съ печальными погасшими глазами. Онѣ склоняются надъ спящей, и чуть слышенъ, какъ шелестъ вечернихъ листьевъ, ихъ шопотъ:

— Аннунціанита, Аннунціанита!

Съ воплемъ, громкимъ, раздрающимъ, отъ котораго стынетъ кровь въ жилахъ, Аннунціанита пробудилась, вскочила...

Чу! Шаги! Кто-то идетъ. Скрипнула дверь. На порогѣ—дука Риппа-Форте въ ночномъ, отороженномъ мѣхѣ, кафтанѣ. Хмуро и жестко лицо его. Онъ пытается придать голосу нѣжную ласковость.

— Что съ тобою, дитя мое? Ты испугала меня своимъ крикомъ. Подъ такой охраной бояться нечего,—онъ указалъ на стѣну, гдѣ висѣлъ чернаго дерева крестъ съ бѣлымъ, слоновой кости, распятіемъ.

Аннунціанита хотѣла по-дѣтски довѣрчиво протянуть къ нему руки, но онѣ безсильно упали вдоль ея гибкаго стана.

— Ахъ, дука, мнѣ приснился нехорошій сонъ. Я видѣла девять женщинъ, онѣ звали меня, такъ жалобно звали! А потомъ... потомъ онѣ скрылись, и предо мною былъ склепъ, и тамъ такъ страшно, тамъ кости, черепа.

Дука сдвинулъ брови, блеснули глаза; и весь онъ былъ чужой, далекій, непонятный, пугающій.

— Все это глупости! Какія женщины? Какой склепъ? Ты слишкомъ много думаешь,—замѣтилъ онъ злобно.—Позови Марію. Пусть она ляжетъ возлѣ тебя на полу. Ты давно не исповѣдывалась. Завтра велю падре Антонію отслужить въ капеллѣ мессу. Поцѣлуй меня, Аннунціанита, и постарайся заснуть спокойно.

IV.

Между Риппа-Форте и сыномъ его Лоренцо были странные отношенія. Гвидо не проявлялъ къ Лоренцо особенной нѣжности. Никто не видѣлъ, чтобъ дука приласкалъ или поцѣловалъ блѣднаго, тонкаго, длинноволосаго мальчика. Но онъ любилъ своего единственнаго сына. Больше, дука боготворилъ его какимъ-то особеннымъ, глубоко схороненнымъ чувствомъ. Стоило хрупкому Лоренцо слегка заболѣть,—тотчасъ же лѣтъли по всей Тосканѣ гонцы съ повелѣніемъ привезти лучшихъ медиковъ къ постели занемогшаго наслѣдника Риппа-Форте. Въ такіе дни Гвидо подолгу сидѣлъ у изголовья сына. Онъ бесѣдовалъ съ ученымъ попугаемъ, шутилъ,—а это весьма рѣдко бывало,—стараясь развлечь Лоренцо.

Сынъ не платилъ взаимностью. Отецъ внушалъ ему непреодолимый, почти суевѣрный страхъ. Чуткая, впечатлительная душа Лоренцо вѣчно была на-сторожѣ... Всегда, ежеминутно ждалъ онъ отъ отца какого-нибудь ужаснаго поступка. Съ тѣхъ поръ, какъ Лоренцо началъ относиться сознательно къ окружающему, онъ видѣлъ—на его глазахъ исчезали молодыя жены отца, скошенныя внезапной таинственной смертью. Съ глубокимъ безпомощнымъ состраданіемъ встрѣчалъ вдумчивый Лоренцо появленіе новой дукессы.

Одинокъ отъ обычныхъ дѣтскихъ развлеченій жилъ наслѣдникъ Риппа-Форте. Онъ избѣгалъ сверстниковъ, не игралъ съ ними, а пестрый попугай давно уже не забавлялъ его.

Всѣ мрачнѣе и мрачнѣе становился съ каждымъ днемъ угрюмый дука.

... Вечеръ уже давно смѣнился ночью. Не горятъ огни. Неподвижно лежитъ въ своей постели Лоренцо и немигающими, застывшими глазами смотритъ въ слѣпую тьму. Онъ видитъ—на темномъ фонѣ заколебались двѣ какія-то фигуры. Сперва неясными, чуть намѣченными силуэтами, затѣмъ все яснѣе и рѣзче. Вотъ искаженная гнѣвомъ голова дуки, вотъ поникшій, страдальческій профиль Аннунціаниты. Онъ видѣлъ ихъ мгновенно, но съ такой отчетливой, проникновенной яркостью, что въ жилахъ похолодѣла кровь. Все заволокло густымъ краснымъ туманомъ... Исчезло...

У постели, охраняя невинные сны Лоренцо,—рѣзное изображеніе святого. Мальчикъ припалъ къ нему на колѣняхъ и долго молился въ какомъ-то экстазическомъ забытѣ. Потомъ, движимый непонятнымъ предчувствіемъ, не отдавая себѣ отчета, одѣлся и двинулся туда, гдѣ была комната дуки.

На каменные плиты падаетъ узкая полоса свѣта. Затаивъ дыханіе, подкрадывается Лоренцо.

Въ глубинѣ слабо озаренной восковой свѣчей комнаты согнувшаяся у стола фигура отца. Исполинская тѣнь ея трепещетъ на стѣнѣ съ зіяющей темной пастью камина. Дука—лица его не видно—пересыпаетъ какой-то порошокъ. Предъ нимъ серебряный кувшинъ, изображающій птицу, и кубокъ.

Лоренцо зашатался, подавилъ крикъ и, чтобы не упасть, прислонился къ стѣнѣ. Какъ онъ вернулся назадъ и какъ провелъ остатокъ ночи, онъ не помнилъ.

Утромъ, прослушавъ мессу, дука гулялъ въ саду. Съ низкими поклонами къ нему приблизилась камеръера Марія и слѣдовала на извѣстномъ отдаленіи. Не глядя на нее, дука говорилъ что-то... Марія, кивая головой, слушала. Затѣмъ движеніемъ руки дука отпустилъ ее.

Приближаясь къ своей комнатѣ, Риппа-Форте слышалъ глухой короткій стукъ, какъ будто паденіе тѣла. Онъ ускорилъ шаги, распахнулъ дверь...

Дука обезумѣлъ и бросился впередъ съ поднятыми руками.

— Лоренцо!

На холодныхъ каменныхъ плитахъ въ судорогахъ бился Лоренцо съ искаженнымъ лицомъ. Поодаль—отброшенный кубокъ. Тонкіе дѣтскіе пальцы, скрючившись, царапали въ агоніи гладкія твердыя плиты.

— Лоренцо! Несчастный Лоренцо! Что ты сдѣлалъ?.. Ты выпилъ ядъ!.. Горе мнѣ, горе!..

Гвидо ломалъ въ отчаянныя руки.

Сынъ съ трудомъ приподнялся на локтѣ... Дикъ и безуменъ былъ взглядъ, устремленный на дуку. Въ углахъ рта выступила пѣна. Вино, алое, какъ кровь, заливало подбородокъ и шею.

— Я зналъ... я нарочно выпилъ... я все видѣлъ... чудовище... женоубійца!.. Проклинаю тебя... слышишь, проклинаю!..—корчась, хватаясь за грудь и разрывая одежду, хрипѣлъ Лоренцо. Потомъ продолжалъ тихимъ, ужасающимъ голосомъ:

— Я умираю... пусть моя смерть, смерть единственнаго наслѣдника Риппа-Форте, вразумитъ тебя.. Покайся... покайся, великій грѣшникъ!..

Сраженный сыновнимъ проклятіемъ, Гвидо упалъ и, покрывая поцѣлуями ноги Лоренцо, въ бѣшенномъ неистовствѣ колотился головой о каменные плиты...

— Лоренцо! Сынъ мой, любимый, дорогой сынъ, живи, останься жить! Всю свою кровь я отдамъ по каплѣ, только живи!..

Вдругъ, озаренный призрачной надеждой спасти Лоренцо, дука вскочилъ, открылъ дрожащей рукой тяжелый рѣзной шкапъ, роняя и разбрасывая все, добытъ какой-то порошокъ и высыпалъ въ кубокъ съ водою. Расплескивая, онъ поднесъ кубокъ къ синѣющимъ, клубившимся пѣной губамъ Лоренцо.

— Выпей, выпей все сразу!

Лоренцо оттолкнул кубокъ.

— Не надо... я не хочу жить... только смерть моя... можетъ очистить... покайся... по...

Слабый цѣпѣющій голосъ оборвался, и послѣдніе звуки угасли вмѣстѣ съ чистой душой, которую унесли лучезарные ангелы.

Онъ встрепенулся, вытянулся, встрепенулся еще разъ и, неподвижный, холодбующій, распростерся, чтобъ не встать никогда больше.

Дука не вѣрилъ, не хотѣлъ вѣрить. Онъ осыпалъ его трупъ безумными поцѣлуями и такими болѣзненно-страстными ласками, какихъ сынъ не зналъ при жизни...

— Лоренцо, что ты сдѣлалъ со мной! Лоренцо!..

V.

Босой, одѣтый въ рубище, три дня и три ночи провелъ дука Риппа-Форте въ капеллѣ у гроба Лоренцо. За всю свою мрачную жизнь онъ столько не молился, какъ въ эти долгіе, безконечные дни и ночи. Онъ стоялъ по цѣлымъ часамъ на колѣняхъ, съ неустаннымъ шопотомъ покаянныхъ молитвъ. То билъ поклоны, то лежалъ ницъ, крестомъ вытянувъ руки.

На четвертый день Лоренцо былъ похороненъ въ фамильномъ замковомъ склепѣ. Дука послѣдовалъ туда за нимъ. Такъ продолжалось недѣлю. Онъ ничего не ѣлъ. Онъ отказывалъ себѣ даже въ водѣ и хлѣбѣ.

Когда Риппа-Форте вышелъ изъ склепа, въ этомъ измощенномъ старикѣ съ поникшей, блѣдой, какъ серебро, головой, олицетворявшемъ покорное смиреніе, никто не узнавалъ жестокаго, грознаго и властнаго Гвидо.

Онъ всемъ кланялся и повторялъ:

— Я теперь не дука и не Риппа-Форте, а Риппа-Фрате.

Дука исчезъ. Никто не видѣлъ его. Онъ исчезъ, вѣроятно, подземнымъ ходомъ, что велъ къ рѣкѣ. Исчезъ, какъ былъ: босой, въ рубищѣ, подпоясанный веревкой, съ непокрытой остриженной головой. У пояса—желтая тыква для воды, какую носятъ нищіе и пилигримы. За пазухой—ломоть чертоваго хлѣба. Вотъ все, что взялъ изъ богатѣйшаго замка владѣлецъ его.

Пѣшкомъ, съ длиннымъ посохомъ, питаясь подаяніемъ, Риппа-Фрате направился въ Римъ. Тамъ у дверей храма святого Петра онъ просилъ милостыню.

Изъ Рима Риппа-Фрате пошелъ въ Святую землю, къ Гробу Господню. Его заливали дожди, его сушилъ жаркій палящій зной, а онъ все шелъ и шелъ... недѣли, мѣсяцы...

Въ пустынѣ арабскіе разбойники напали на Риппа-Фрате, отобравъ тыкву съ водой. Одинъ, самый свирѣпый, въ запальчивости ударилъ Гвидо кинжаломъ и выкололъ ему глазъ. Разбойники затѣяли ссору, и тотъ, кто выкололъ Гвидо глазъ, былъ тяжело раненъ и брошенъ товарищами. Риппа-Фрате ухаживалъ за разбойникомъ. Невдалекѣ былъ студеный ключъ. Риппа-Фрате зачерпывалъ воду пригоршнями, поилъ разбойника и обмывалъ его раны, которыя потомъ тщательно перевязывалъ.

Бѣжали годы. Подобно вѣчному жиду, скитался изъ одной страны въ другую, изъ города въ городъ бывшій дука. Въ непогодахъ, въ лишеніяхъ онъ закалялъ себя, но время не могло не сказаться. Оно превратило Гвидо въ ветхаго старца.

Стихійное бѣдствіе—чума свирѣпствовала въ Константинополѣ. Люди, объятые паническимъ ужасомъ, теряли головы, мутился разумъ, и они бѣжали, ища спасенія въ бѣгствѣ.

Одинъ Гвидо остался вѣренъ себѣ. Спокойно—ни даже тѣни боязни, волненія—ухаживалъ онъ за чумными и по мѣрѣ силъ облегчалъ ихъ страданія.

Стихло великое бѣдствіе, остановилась Божья кара, и Гвидо покинулъ Константинополь.

Сѣдого, заросшаго волосами одноглазого старика жители Калабріи увидѣли впервые во время землетрясенія. Онъ вытаскивалъ раненыхъ и засыпанныхъ камнями. Спускался въ такія глубокія и крутыя разсѣлины, куда не отваживался за нимъ слѣдовать никто изъ молодыхъ горцевъ.

...Умчалось еще много дѣтъ. Если-бъ у Гвидо спросили, который ему годъ, онъ не отвѣтилъ бы. Немало земли исхолили его босыя, въ кровавыхъ царапинахъ и ссадинахъ, ноги. Кожа ихъ такъ загрубѣла, что могла бы годиться на подошвы сандалій.

Риппа-Фрате очутился въ Тосканѣ. Была Пасха, ранняя, холодная. Весенняя бурная ночь застала его въ пути. На большой дорогѣ изъ Пизы въ Лукку проливной дождь хлесталъ Гвидо нещадно. Намокшіе, напившіеся водой лохмотья казались свинцовыми. Слабѣющія ноги отказывались служить. Посохъ валялся изъ рукъ. Риппа-Фрате крестился деревенющими отъ холода пальцами, останавливался, переводилъ духъ и продолжалъ медленно двигаться. Ноги скользили, онъ падалъ, вставалъ облѣпленный грязью и шель, и вновь падалъ...

Что-то громадное, высокое, черное, уходящее въ небеса и тамъ исчезающее, увидѣлъ его одинокій глазъ. Это—крутая скала и на ней угнѣздившійся замокъ, замокъ Риппа-Форте. Сердце Гвидо не забилося шибче, не вспыхнуло, не воскресли въ высохшей груди былыя, давнія воспоминанія. Онъ умеръ для прошлаго. Все сожгла его новая жизнь. И онъ смотрѣлъ на эту скалу, на этотъ замокъ—какъ на пріютъ, подъ кровомъ котораго онъ проведетъ безпокойную, бурную ночь. И, напрягая послѣднія, гаснущія силы, пытаясь удержать въ озябшей, костенѣющей рукѣ посохъ, онъ сталъ подниматься вверхъ по крутой, извилистой тропинкѣ.

Вотъ и цѣпной мостъ. Гвидо изнемогъ окончательно. Еще нѣсколько шаговъ—и онъ упалъ бы съ тѣмъ, чтобъ никогда не встать больше.

— Эй, кто тамъ? — послышался сверху грубый окликъ стражника.

Порывъ вѣтра заглушилъ и отнесъ чуть слышный отвѣтъ пришельца.

— Оглохъ ты, что ли? Онѣмѣлъ? Убирайся-ка лучше, откуда пришелъ! Знаемъ мы васъ, бездомныхъ бродягъ! Вы—первые мошенники и воры! Вы...

Слова стражника замерли у него на губахъ... Онъ смотрѣлъ и не вѣрилъ глазамъ. Пораженный, видѣлъ онъ, что предъ нимъ свершается чудо. Лохматая, вся въ грязи, жалкая фигура бездомнаго бродяги, озаренная вдругъ появившимся откуда-то сіяніемъ, стала свѣтлѣть... Она отдѣлилась отъ земли и была легкая, прозрачная, воздушная, какъ видѣніе. Тихо, неслышно она поднималась къ небесамъ все выше и выше. И вскорѣ она была такъ далеко, что превратилась въ звѣздочку...

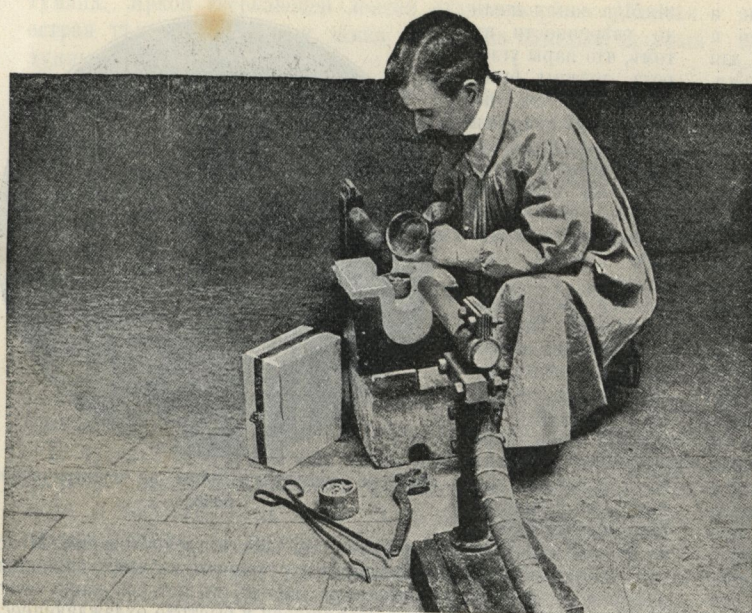
4.000 градусовъ тепла.

(Съ 6 рисунками на стр. 619 и 620).

Термометръ является однимъ изъ показателей границъ человѣческаго могущества, такъ какъ будущіе успѣхи техники зависятъ, въ значительной степени, отъ возможности распоряжаться температурой, т. е. произвольно создавать наибольшее количество градусовъ тепла или холода.

Первобытное человечество, стоявшее на самой низкой степени развитія, знало лишь костеръ, при которомъ только самая незначительная часть тепла, развивающагося при горѣніи, оставалась въ распоряженіи человѣка. Вслѣдъ затѣмъ появляются стѣнки, при помощи которыхъ человѣкъ удерживаетъ тепло въ печкахъ. Въ свою очередь, печи скоро осложняются приспособленіями, раздувающими огонь, т. е. увеличивающими количество тепла, въ

нихъ сосредоточеннаго. Уже Гомеръ упоминаетъ о такихъ приспособленіяхъ, описывая древнѣйшіе *кузничные мхи*. Въ среднихъ вѣкахъ развитію силы тепла много способствовали знаменитые алхимики. Они должны были стараться о достиженіи возможно болѣе высокой температуры для своихъ опытовъ надъ такъ-называемыми огнеупорными металлами и изобрѣтать для этого *плавильные печи*. Постепенно совершенствуясь, наука все болѣе ревностно старалась управлять температурой, создавая приспособленія, постепенно увеличивавшія силу достижимаго тепла до степени, которая считалась предѣльной (вплоть до новѣйшаго времени) и измѣрялась, приблизительно, 1.000 градусовъ... Но успѣхи современной техники показали необходимость еще болѣе высокой темпе-

Загрузка материала в электрическую печь по снятии крышки.

ратуры. Так, в *доменных печах*, где плавится чугун, температура развивается до 1.300 градусов. Для превращения железа в сталь требуется не менее 1.600 градусов. Наконец, в так-называемых *мартиновских печах*, изготовляющих лучший вид стали (для пушек и корабельной брони), температура еще поднимается, достигая 1.700 — 1.800 градусов. Можно создать и еще более высокую температуру, соединяя при помощи особых трубок, в известных, строго рассчитанных пропорциях, струи кислорода и водорода. При воспламенении их получается так-называемый *гремучий газ*, пламя которого развивается до 2.000 градусов тепла, позволяя плавить один из самых огнеупорных металлов — платину.

Этим, казалось, была достигнута наибольшая сила тепла, подобно тому, как и наибольшая сила холода. «абсолютный нуль», была достигнута при 273 градусах. Однако совершенно невозможно указать, даже приблизительно, границы увеличения числа градусов тепла, которых еще может добиться наука. Опыты ученых последнего времени нашли способы увеличить тепло до такой степени, что человек уже теряет возможность определить его силу, за немением способов к измерению количества градусов.

Средством достижения высочайшей температуры является электрическая печь.

История электричества известна. Сначала загадочная сила, знакомая в продолжение веков лишь по своим проявлениям, таинственным и необъяснимым, затем научная загадка, эксплуатируемая шарлатанами и фокусниками XVIII века, и наконец только с XIX века предмет серьезного, упорного и успешного изучения. Практическое применение электричества началось после того, как в 1820 году англичанин Гемфри

Девилье констатировал появление свѣтящейся искры в промежутке между двумя углями, сквозь которые проходит электрический ток, при каждой попытке развести эти угли. Открытие этого, теперь всем известного простого явления дало первый толчок электрическому освещению. В 1847 году ученый естествоиспытатель Деппе обратил внимание французской Академии Наук на возможность воспользоваться открытием Гемфри Девилье, а 30 лет спустя Вернер Сименс воспользовался этой мыслью Деппе.

Несмотря на то, что первые попытки Вильгельма Сименса практически использовать теорию своего брата и получить железо при помощи электричества оказались неудачными, ближайшее будущее доказало полную основательность этой теории, и в настоящее время никто уже не сомневается в возможности получения почти всех металлов из различных руд или соединений, при воздействии на них электричества.

Однако даже и при электрических способах обработки металлов все еще применялась сравнительно низкая температура, допускавшая возможность проверки и измерения числа градусов. Заслуга создания наивысшей температуры, сделавшей возможными настоящие чудеса научных исследований, принадлежит французскому ученому Анри Моассану.

Наша земля, как известно, была первоначально огненно-жидкой массой, температура которой была так высока, что все составные части ее находились в расплавленном или газообразном состоянии. При охлаждении земной коры, различные составные элементы отделились и образовали формы, кристаллы и породы, которых человечество не может воспроизвести произвольно именно потому, что не имело возможности создать температуру такой высоты, при которой составные части плавятся бы, превращаясь в жидкую массу или даже испаряясь, превращаясь в газы, т. е. первоначальные

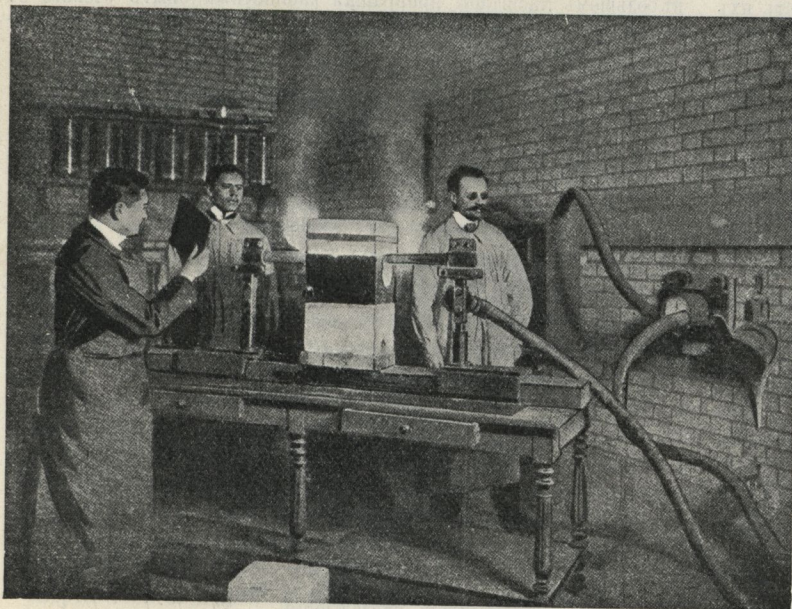
Погружение в холодную воду накаливавшегося в печи тигля.

элементы всего существующего на земле.

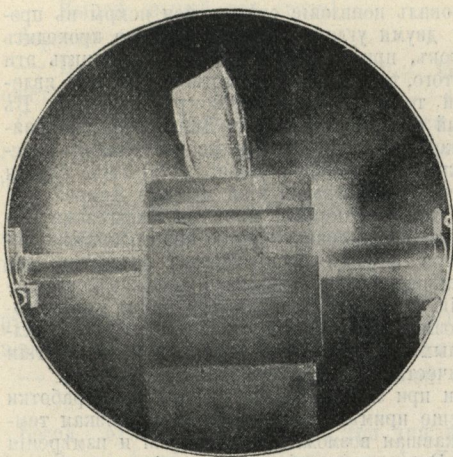
Углерод, например, встречается на земле в трех видах: угля, графита и алмаза. Химический состав их нам давно известен, и первые два вида, уголь и графит, наука давно уже умела создавать, т. е. получать искусственно из различных соединений. Но возродить кристаллы чистого углерода, т. е. алмаза, было совершенно невозможно до тех пор, пока Моассан не нашел пути, по которому шла природа при создании этих кристаллов, и главное, пока он не научил человечество, как можно достигать температуры такой высоты, о которой до сих пор не мечтало даже воображение.

Аппарат, создающий эту невероятную температуру, оказал уже науке неоценимые услуги, под названием *электрической печи Моассана*. Задача ученого состояла в том, чтобы сосредоточить теплоту, развиваемую электрическим лучом, на возможно малом пространстве, не давая ей разбегаться и поглощаться окружающей атмосферой. При таких условиях получается температура, достигающая высоты, не поддающейся исчислению, за невозможностью применить ныне существующие, недостаточно усовершенствованные термометры, но которая, по предположению самого изобретателя, должна достигать от 3500 до 4.000 градусов.

Устройство электрической печи довольно несложно. Она состоит из двух углей, отточенных в вид заостренных круглых палочек, как угли фонаря Яблочкова, но гораздо длиннее и толще их. Сквозь эти горизонтально укрепленные угли пропускается электрический ток, меняющий свое направление несколько раз в минуту. Можно было бы пользоваться и постоянным током, но так как при переменном электрическом луче

Электрическая печь Моассана в действии.

Кусок льду не тает на электрической печи.

рода, и таким образом сосредоточить их в небольшом пространстве, в то же время не пропуская туда элементов, способствующих охлаждению, то в этом пространстве развивается невероятно высокая температура. Материалом для таких стенок послужила Моассану обыкновенная обожженная известь. Взяв большой квадратный кусок такой извести, его раздвигают на две половины. Верхняя служит крышкой, нижняя — собственно печью. Посреди нея делается углубление для помещения *тигля*, т. е. сосуда, в котором производится сплав. На обоих концах куска извести пробурываются каналы, куда вкладываются концы углей, соединенных электрическим током. Вот и весь прибор. Вторая половина куска извести служит крышкой аппарату, плотно прилегая к нижней его части. Нижняя часть покрыта для прочности листовым железом. И верхняя крышка обвита железным обручем для той же цели.

Обожженная известь — настолько плохой проводник тепла, что на электрическую печь, в которой сосредоточивается теплота в 4000 градусов, можно положить кусок льда, который растает не скорей, чем в обыкновенной комнате. Человек может спокойно приближаться к работающей печи, может класть на нее свою руку, не чувствуя жары. Можно даже пробуровать в одной из стенок печи отверстие, к которому пригоняется трубочка, позволяющая наблюдателю видеть самый процесс плавления. Но для этого необходимо глядеть сквозь спелое стекло, чтобы защитить глаза от ослепительного света. Жара же не чувствуется даже на расстоянии двух шагов от печи.

Для того чтобы привести электрическую печь в действие, кладут в тигель вещество, предназначенное для опыта, а затем пропускают электрический ток сквозь угли и прикрывают их крышкой. Наши рисунки показывают весь прибор в раскрытом и закрытом виде, также как и его действие.

Благодаря своему изобретению, Моассану удалось целая серия труднейших и важнейших научных опытов. Так, например, он добился производства карбида кальция, который в настоящее время играет такую важную роль при добычании ацетилена. Кроме того, ему удалось достигнуть не только плавления, но даже испарения, т. е. превращения в газы различных огнеупорных минералов, и между прочим кварца, т. е. одной из самых твердых каменных пород, входящей между прочим в состав обыкновенного булыжника, который считается до сих пор неподдающимся силе огня.

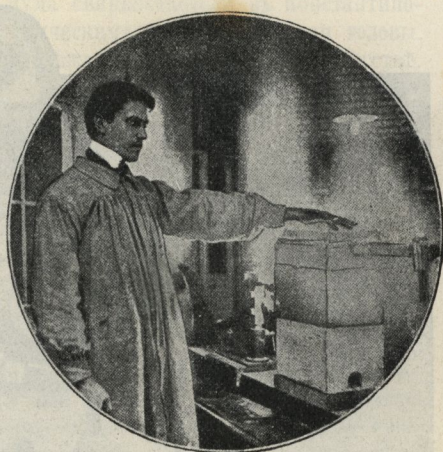
Для такого опыта в крышке электрической печи делается отверстие. В тигель кладут мелкие куски кварца, а затем тигель, сделанный из огнеупорной глины или той же обожженной извести, ставится в печь и покрывается крышкой. Отверстие же этой крышки прикрывается стеклянным колпаком. Когда печь начнет работать, то под влиянием необычайно высокой температуры кварц сначала расплавляется, а затем испаряется, превращаясь в газы, совершенно так, как вода на огне. Пары выходят в отверстие крышки и осаждаются на стенках стеклянного колпака, как осаждались бы, в подобном случае, водяные пары, с той разницей, что вместо капель при охлаждении получают на стекле мельчайшие крупинки каменного порошка.

Но знаменитейший опыт Моассана — это его попытка сделать искусственный алмаз. Всем ученым давно было известно, что алмаз — не что иное, как кристаллизованный чистый углерод. Но как образовался он в природе? Путем логического разсужде-

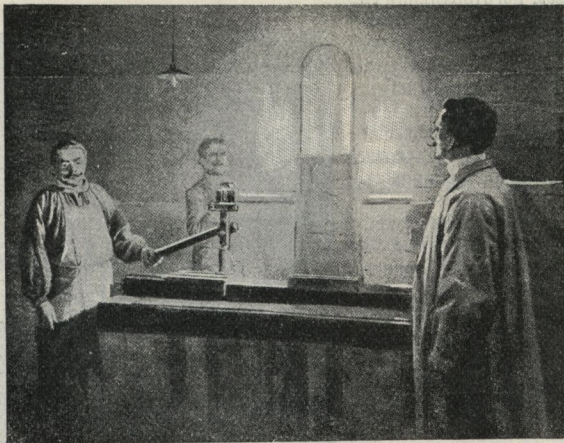
ния Моассан дошел до уверенности в том, что пары углерода должны были находиться в чистом виде во время огненно-жидкого периода земного шара. Тогда же пары эти должны были смешаться с каким-либо другим элементом, находившимся уже в жидком виде. Затем, когда охлаждение создавало необычайно сильное давление одного элемента на другой, то и пары углерода должны были кристаллизоваться в промежутках другого элемента в виде алмаза.

Для подтверждения своего предположения, Моассан попробовал последовать примеру природы, избирая, впрочем, для своих опытов не кремневую породу, в которой чаще всего попадаются алмазы, а легко плавящееся и быстро охлаждающееся железо, — и несмотря на это ему удалось достигнуть полного успеха... Наполнив свой тигель смесью угля и железа, Моассан в своей печи довел эту смесь до расплавленно-жидкого состояния. Тогда, при наиболее высокой температуре, он вынул тигель при помощи особых щипцов и немедленно погрузил его в ледяную воду. Так как при охлаждении железо моментально твердеет, то оно и произвело страшное давление на пары газа, находившегося в его парах. И под этим давлением углерод действительно кристаллизовался во всем известную форму алмаза. Таким образом Моассану удалось получить искусственный алмаз, чистой воды и правильной формы. Правда, кристаллы этого алмаза остаются до сих пор крайне малы, настолько малы, что могут иметь лишь научное значение. Да кроме того дороговизна их производства еще уменьшает практическое значение этого опыта, по крайней мере на первое время... Но как знать, что даст нам будущее?

Нельзя предвещать подобных успехов в наше время невероятно быстрых успехов техники. Американцы, как особенные почитатели прикладной науки, не отступают ни перед какими жертвами для практического применения ученых открытий, уже воспользовались опытами Моассана. В настоящее время в Америке уже производится попытка повторить его опыты превращения чистого углерода в алмазные кристаллы в большом масштабе, превращая кабинетный опыт ученого в практическую, т. е. выгодную, фабрику «искусственных настоящих» бриллиантов.

Рука не чувствует жары на электрической печи.

Улетучивание паров кварца в жару электрической печи.

СТИХОТВОРЕНИЕ.

* * *

Блгоперая, светлоокая,
Ты пришла ко мнѣ, какъ видѣніе,—
Ты пришла ко мнѣ одинокая,
Вся восторгъ любви—наслажденіе!

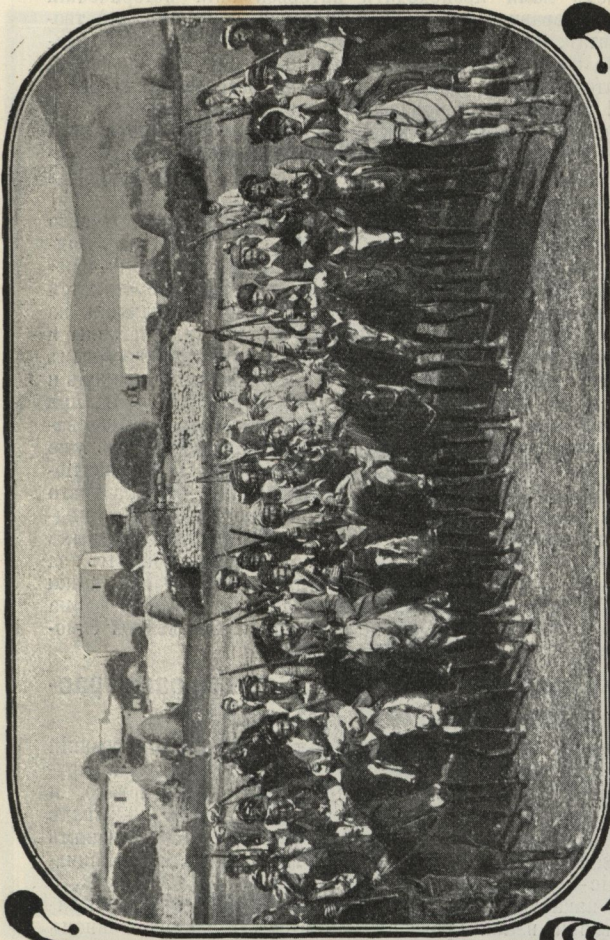
Я коснулся крыль, я коснулся рукъ,
Какъ дитя упалъ я съ молитвою:
«Добрый геній мой! исцѣли отъ муки,
Дай утѣшиться смѣлой битвою!»

Ты сіяла вся, улыбалась мнѣ
Въ ярко-радужномъ осіяніи,
И въ волшебномъ снѣ, въ лучезарномъ снѣ
Забывались всѣ страданія.

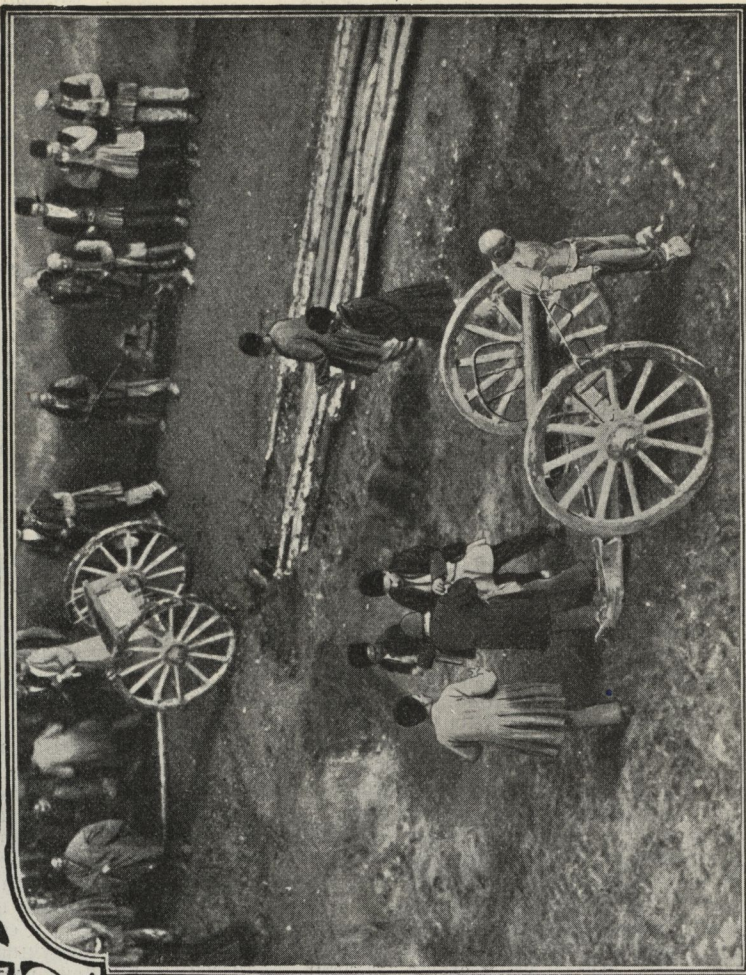
Вдругъ померкъ весь свѣтъ, набѣжалъ туманъ,
Закурился дымъ огненной смолы.
И сквозь дымъ мелькнулъ мнѣ костевый станъ,
И послышался дикій вопль хулы.

Геній смерти злой побѣдилъ любовь!
Умертвилъ косою жизни генія...
И замолокъ языкъ, запеклася кровь,
И погасъ восторгъ наслажденія!

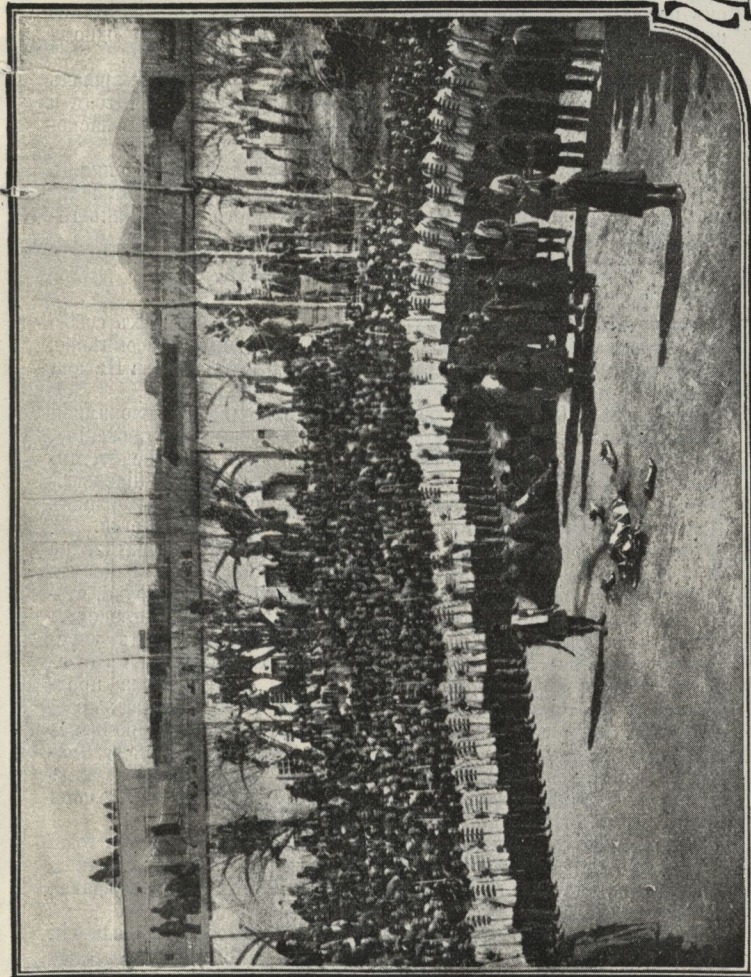
К. Фофановъ.

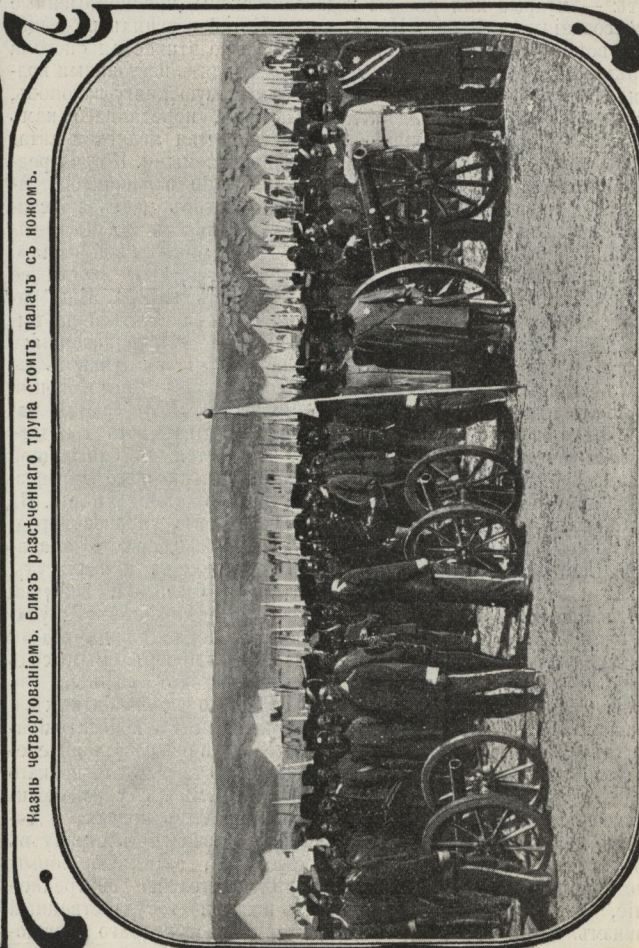
Курдская кавалерія.

Казнь курда-разбойника разстрѣломъ изъ пушки (рѣдкій сшмокъ).
Современная Персія. По фот. К. Булла, агт. «Нивы».

Казнь четвертованіемъ. Близъ разсѣченнаго трупъ стоитъ палачъ съ ножомъ.

Урмія. Персидское войско въ Азарбайджанѣ.

Тормазы восточного парламентаризма.

(Политическое обозрѣніе).

Вслѣдъ за Россіей на путь конституціонныхъ реформъ вступаютъ и остальные восточныя государства: Персія, Турція и Китай. Относительно возрожденія турецкой конституціи ходятъ пока только смутные слухи, въ виду вѣянія времени весьма, впрочемъ, правдоподобные; зато предстоящее преобразование государственнаго строя Китая торжественно возведено въ официальное эдиктъ богдыхана, соответствующемъ нашему манифесту 17-го октября, а конституціонная перестройка Персіи уже началась.

Къ великому удивленію востоковѣдовъ, наиболѣе государственной мудрости и осторожности проявилъ въ этомъ трудномъ и отвѣтственномъ дѣлѣ великій старецъ Востока — Китай. Его государственная мудрость сказала прежде всего въ томъ, что къ кореннымъ преобразованиямъ государственнаго строя правительство приступило добровольно, а не подъ давленіемъ революціонныхъ забастовокъ, политическихъ убійствъ, военныхъ бунтовъ и прочихъ симптомовъ общественнаго недовольства. Къ стыду нѣкоторыхъ своихъ сосѣдей, отсталый Китай показалъ міру, что нарушеніе уличнаго порядка, терроръ, грабежи, взрывы бомбъ и разстрѣлы вовсе не составляютъ неизбѣжнаго аккомпанеента къ искренности и своевременно начатымъ преобразовательнымъ работамъ. Нечего говорить о томъ, насколько плодотворны эти работы для общества, когда она ведется въ тѣсномъ духовномъ союзѣ правительства съ народомъ, а не въ противоборствѣ реакціоннаго правительства съ революціоннымъ по необходимости народомъ. Въмѣсто рѣзкихъ скачковъ политики и неожиданныхъ переходовъ власти отъ крайней реакціи къ рискованному новаторству и отъ сомнительнаго новаторства обратно къ еще болѣе крутымъ репрессіямъ, китайское правительство, взявшее самый починъ движенія въ свои руки, приступило къ осуществленію своего плана въ высшей степени осторожно. Оно рѣшительно разорвало съ мертвыми традиціями китайской гордости и рѣшилось на шагъ, неслыханный по своей смѣлости: послало специальную комиссію въ Европу для изученія культурныхъ способовъ управленія. Вернувшаяся комиссія сдѣлала докладъ особому совѣщанію изъ высшихъ мандариновъ и вице-королей. Она высказалась за постепенный переходъ къ конституціонному образу правленія, при чемъ для подготовленія и предварительнаго политическаго воспитанія народа, которое сдѣлало бы его способнымъ къ новымъ формамъ государственнаго быта, назначила срокъ въ 10—15 лѣтъ. По обсужденіи доклада, былъ опубликованъ императорскій эдиктъ, общающій введеніе конституціи, когда китайскій народъ къ тому созрѣетъ. «Въ началѣ царствованія династии, — говорится въ эдиктѣ: — мудрые императоры издавали законы, приспособленные къ требованіямъ времени. Нынѣ, когда Китай вступилъ въ общеніе со всѣми народами, китайскіе законы и политическая система устарѣли, вслѣдствіе чего въ странѣ происходятъ постоянныя волненія. Поэтому считаемъ нужнымъ издать новую книгу законовъ, иначе мы оказались бы недостойными званія, переданнаго намъ предками и народомъ. Причиной слабости Китая является антагонизмъ между правителемъ страны и управляемыми. Когда положенныя реформы въ области администраціи и финансовъ закончатся и народъ разовьется, тогда императоръ дастъ конституцію. Время введенія конституціи будетъ зависѣть отъ быстроты успѣховъ народа въ дѣлѣ пониманія государственныхъ вопросовъ».

Провозгласить конституцію несравненно легче, чѣмъ ввести ее въ дѣйствіе, когда она противорѣчитъ правамъ народа. Еще тяжелѣе бываетъ въ такихъ случаяхъ самой власти остаться на высотѣ объявленныхъ правовыхъ нормъ. Тогда вмѣсто истинныхъ реформъ получается какой-то кровавый миражъ, въ лучшемъ же случаѣ — невинный административный самообманъ, заставляющій вспоминать мудрое изреченіе Петра Великаго: «Все законы писать, ежели оны не исполнять». Нельзя забывать, что государственный строй жизни всякаго народа находится въ ближайшей зависимости отъ всего его религіознаго и политическаго міровоззрѣнія, органически связанъ со всею прошлою исторіею націи. Въ основѣ политическаго абсолютизма Востока стоитъ упорное народное вѣрованіе въ абсолютную мудрость и справедливость правителей. Всѣ преступленія и неистовства Нероновъ и Калигулъ, Аттиль и Чингисъ-хановъ возможны лишь благодаря живучей мечтѣ наивныхъ восточныхъ народовъ о добродѣльномъ Гарунъ-аль-Рашидѣ. Всѣ ужасы дѣйствительности держатся на власти красивой сказки надъ умами и сердцами миллионовъ. Вымыселъ неизмѣримо сильнѣе фактовъ. Рѣзкій переходъ отъ вѣры въ мудраго, справедливаго, безконечно любящаго всѣхъ бѣдныхъ и гонимыхъ, и потому неограниченнаго правителя къ конституціонному строю, основанному на представительствахъ реальныхъ интересовъ разныхъ общественныхъ группъ, страшно тяжелъ для всякаго народа, пока послѣдній остается приверженнымъ къ старой политической идеологіи. Поэтому неподготовленная въ нравахъ и понятіяхъ конституція почти всегда грозитъ повергнуть страну въ анархію, вызвать политическія междоусобицы, взаимную борьбу разномыслящихъ слоевъ населенія, то мучительное внутреннее треніе, которое способно обезсилить каждый государственный организмъ. Китайскій мандарионатъ, путемъ постепеннаго подготовленія народа къ самодѣятельности, начиная съ мѣстнаго, провинціальнаго и областного самоуправленія, разсчитываетъ избѣгнуть всѣхъ ужасовъ анархіи.

Трудно предсказать окончательные результаты, но во всякомъ случаѣ передъ нами происходитъ интереснѣйшій историческій опытъ. Европа сравнительно мало освѣдомлена о томъ, что творится въ Китаѣ, но, повидимому, за это время онъ во всѣхъ областяхъ далеко шагнулъ впередъ. Пораженіе Россіи, послѣдовавшее послѣ «карательной экспедиціи» Европы въ Пекинъ, дало могущественный толчокъ къ національному пробужденію великаго желатаго сфинкса. Во главѣ реформаціоннаго движенія стала сама вдовствующая императрица, покровительствующая женскому образованію, развитію литературы и издававшая эдиктъ, воспрещающій уродовать новорожденнымъ дѣвочкамъ ноги.

Все образованіе будущихъ государственныхъ дѣятелей получило новую постановку. Въмѣсто старой догматики на экзаменахъ мандариновъ задаются вопросы: какъ побѣдить Европу? почему Японія побѣдила Россію? и т. д. Молодежь массами отправляется учиться за границу и по возвращеніи получаетъ назначенія на высшія должности: вице-королей, министровъ и т. д. Торговцы и промышленники объединились въ союзы, располагающіе огромнымъ вліяніемъ. Они удачно провели бойкотъ американскихъ товаровъ и изгнали русскую торговлю изъ Монголіи. Китайская армія, при содѣйствіи японскихъ и нѣмецкихъ инструкторовъ, преобразовалась на европейскій ладъ и черезъ пять лѣтъ достигнетъ уже полумилліоннаго состава; государственные доходы съ 300 милліоновъ въ годъ выросли въ миллиарды. Новыя вѣянія національнаго самосознанія сказываются и въ смѣщеніи иностранцевъ съ видныхъ постовъ (Робертъ Гартъ) и въ уклоненіи отъ выгодныхъ желѣзнодорожныхъ концессій. Всѣ эти симптомы говорятъ за возможность благопріятнаго исхода предпринятой Китаемъ ломки стараго государственнаго строя, потому что политическая реформа находитъ прочную поддержку въ пробужденіи общественной самодѣятельности.

Наполеонъ диктуетъ маршалу Бертѣ свои распоряженія. (Рис. на стр. 612).

Въ ночь на 19 октября 1813 года подъ Лейпцигомъ «великій корсиканецъ» переживалъ тяжелыя минуты. Его армія была окружена союзниками; оказывать имъ сопротивленіе было трудно, и единственно, что оставалось Наполеону, это отступать на западъ къ Рейну. Но онъ хотѣлъ еще попытаться счастья въ рѣшительномъ столкновеніи, и результатомъ этого явилось знаменитое лейпцигское сраженіе — «битва народовъ».

Всю ночь наканунѣ сраженія Наполеонъ провелъ въ обдумываніи и составленіи плана сраженія. Въ этомъ заблаговременномъ обдумываніи и въ личныхъ распоряженіяхъ была его главная сила: онъ распоряжался, приказывалъ, рѣшалъ все самъ, не полагаясь ни на кого, и вся военная машина работала только по одному личному его слову.

Главнымъ сотрудникомъ его былъ и здѣсь, какъ вездѣ, маршалъ Бертѣ, въ которомъ Наполеонъ имѣлъ вѣрнаго исполнителя и опытнаго помощника и къ которому всегда обращался съ ласковымъ наименованіемъ: «mon cousin!»...

Картина художника Менье переноситъ зрителя во внутренность бѣдной обывательской квартиры, гдѣ поздно ночью, наканунѣ лейпцигскаго сраженія, французскій императоръ и его начальникъ генеральнаго штаба составляютъ боевую диспозицію.

Юганъ-Филиппъ Пальмъ.

(Рис. на стр. 613).

Одною изъ самыхъ тяжелыхъ трагедій, ознаменовавшихъ собою владычество Наполеона Бонапарта въ Германіи, несомнѣнно, является разстрѣлъ нюрнбергскаго книгопродавца Юганна Пальма въ 1806 году.

Въ началѣ 1806 года въ южной Германіи появилась анонимная брошюра подъ заглавіемъ: «Германія въ ея глубочайшемъ униженіи». Брошюра эта содержала нападки на французовъ и, конечно, вызвала негодованіе послѣднихъ. По произведенному дознанію, издателемъ оказался нюрнбергскій книгопродавецъ, Юганъ-Филиппъ Пальмъ. Но кто былъ авторъ брошюры, доискаться не могли.

Пальмъ былъ арестованъ. Брошюра, на его бѣду, обратила на себя особое вниманіе всемогущаго Бонапарта, и послѣдній рѣшилъ обойтись съ нѣмецкимъ книготорговцемъ какъ можно круче, чтобы «устрашить достойнымъ примѣромъ всю германскую прессу».

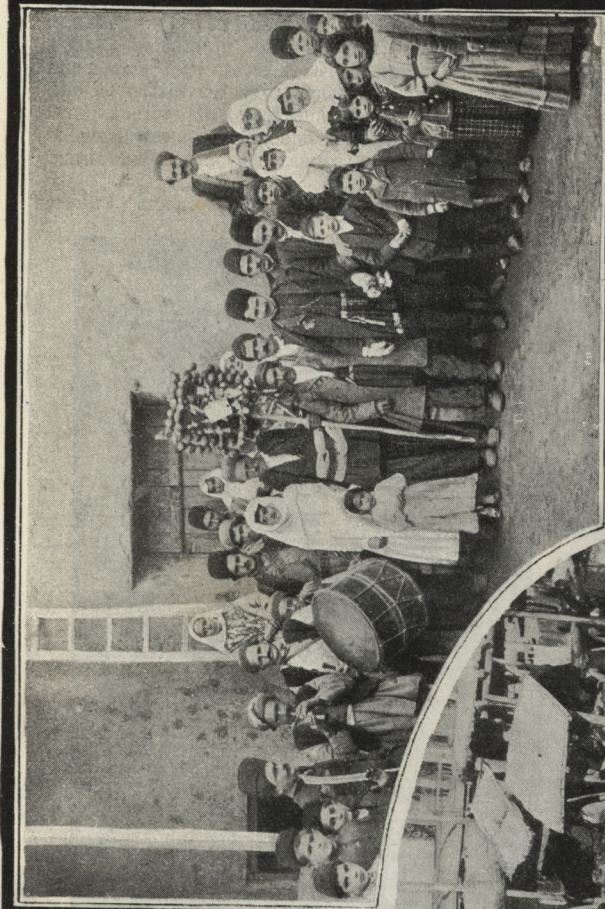
По особому приказу изъ Парижа, надъ Пальмомъ былъ учрежденъ военно-полевой судъ, который представлялъ собой, въ сущности, лишь простую формальность. Участь Пальма была предрѣшена, и онъ былъ приговоренъ къ смертной казни чрезъ разстрѣліе. Наполеоновскіе клевреты до такой степени торопились покончить съ нимъ, что, несмотря на категорическія слова приговора: «приговоръ долженъ быть приведенъ въ исполненіе чрезъ 24 часа», Пальма повели на разстрѣлъ спустя всего три часа послѣ окончанія суда.

Казнь была совершена въ г. Браунау 26 августа 1806 года, т. е. ровно сто лѣтъ тому назадъ. По свидѣтельству священника, который напутствовалъ осужденнаго, разстрѣлъ сопровождался трагическими подробностями.

У солдатъ, производившихъ экзекуцію, дрожали отъ волненія руки, и первые выстрѣлы только ранили Пальма. Несчастный склонился лицомъ къ землѣ и стоналъ. Второй залпъ прекратилъ стоны, но Пальмъ все-таки еще дышалъ. Тогда одинъ изъ солдатъ выстрѣлилъ ему прямо въ упоръ въ голову и снесъ ему полъ черепа.

Комическая танцевальная
труппа въ «Гавризи».

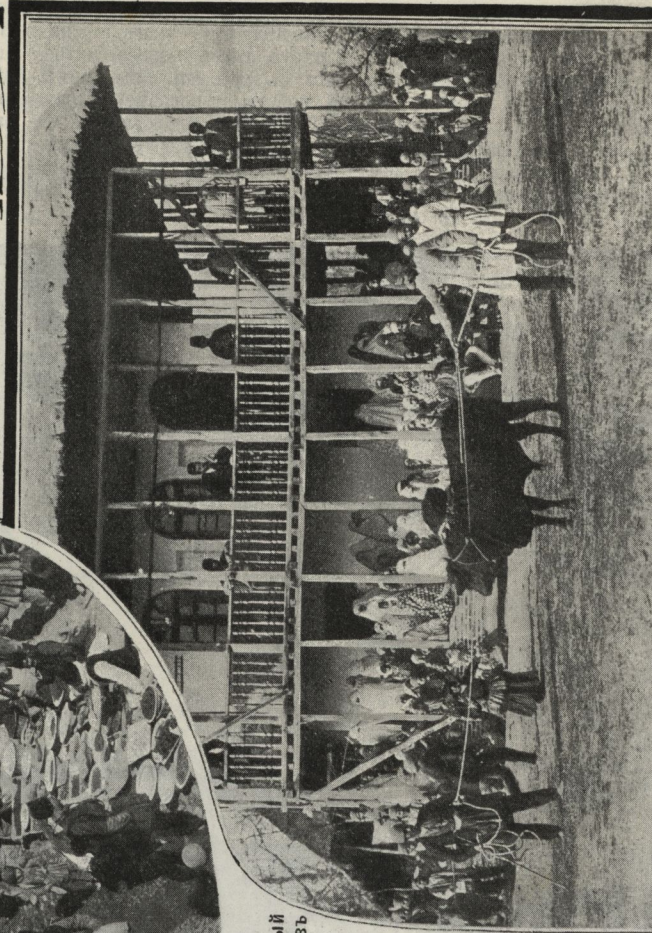
Айсорская свадьба сирийцевъ.
Палка съ яблоками, съ которой
яблоки кидаютъ въ народъ.

Фруктовый
базаръ въ
Урміи.

Айсорская свадьба сирийцевъ. Женщины несутъ приданое невесты.

Бой быковъ въ Рештѣ. Народное развлеченіе.

Современная Терсія. По фот. К. Булла, авт. «Нивы».

Послѣ казеннаго остались жена и дѣти.

Такъ погибъ этотъ мученикъ наполеоновскаго произвола, заплатившій жизнью за то, за что теперь полагается, самое большее, заключеніе въ тюрьму. Столѣтняя годовщина этой трагедіи, наложившей на совѣсть и память Бонапарта такое черное пятно, была нынѣ помянута во всей Германіи съ особымъ вниманіемъ. Нужно замѣтить, что личность Пальма, по отзыву современниковъ, производила обаятельное впечатлѣніе. Это былъ благородный, преданный долгу человекъ, горячій патриотъ и глубоко вѣрующій христіанинъ. Во время позорной комедіи судбища онъ держался съ большимъ достоинствомъ, и всѣ старанія судей узнать имя автора брошюры были тщетны. Пальмъ не выдалъ его.

изъ него. Война заставила журналы и газеты сократить многіе отдѣлы и тѣмъ повлекла пониженіе и даже прекращеніе заработка очень многіхъ литераторовъ; война тоже сильно уменьшила сбытъ произведеній печати. Такое стеченіе неблагоприятныхъ обстоятельствъ повлекло за собою уже въ 1905 году крупное превышеніе расходовъ надъ доходами, и Литературный Фондъ имѣлъ на 1 января сего года дефицитъ въ 7.800 руб. Въ текущемъ году не только не оказалось возможнымъ покрыть этотъ дефицитъ, но, напротивъ, даже самое умѣренное удовлетвореніе потребностей обращающихся въ Фондъ за пособіемъ просителей вновь повлекло за собою превышеніе расходовъ надъ поступлениями.

Считая долгомъ поставить общество въ извѣстность относи-

Новая усыпальница Императорской Фамиліи въ Петропавловской крѣпости въ Петербургѣ. Усыпальница находится рядомъ съ соборомъ. Видъ съ боковой аллеи. По фот. Полонскаго, авт. «Нивы».

Картина А. Геринга изображаетъ послѣдніе моменты жизни Пальма, когда онъ принялъ напутствіе священника, отдать ему для передачи женѣ своей, смоченный послѣдними слезами, платокъ и всталъ на колѣни предъ взводомъ солдатъ.

СМѢСЬ.

Отъ комитета Литературнаго Фонда.—Переживаемая страной за послѣднее время тяжелыя событія отразились очень сильно и на дѣятельности Литературнаго Фонда: сперва война, а потомъ глубокія потрясенія нашей внутренней жизни неблагоприятно повліяли на притокъ пожертвованій и другія случайныя поступленія въ Фондъ: вмѣстѣ съ тѣмъ увеличались затрудненія по устройству предпріятій Фонда—лекцій, литературныхъ вечеровъ, спектаклей и т. д., дававшихъ всегда довольно значительный доходъ.

Тѣ же обстоятельства настойчиво потребовали увеличенія выдачъ

тѣльно всего вышеизложеннаго, комитетъ вмѣстѣ съ тѣмъ обращается къ лицамъ, сочувствующимъ задачамъ Литературнаго Фонда, съ усердной просьбой приходить ему на помощь посильными пожертвованіями, устройствомъ предпріятій, могущихъ увеличивать расходный капиталъ (каковы: спектакли, литературные вечера, публичныя лекціи), привлеченіемъ новыхъ членовъ общества и т. п. мѣрами. Слѣдуетъ имѣть въ виду, что членами Литературнаго Фонда могутъ быть не только литераторы и ученые, но и лица всѣхъ сословій, сочувствующія литературѣ и просвѣщенію; заявленія о желаніи вступить въ члены дѣлаются или комитету (СПБ., Фонтанка 25), или одному изъ членовъ Фонда, который передаетъ это заявленіе комитету; избраніе производится посредствомъ баллотировки въ одномъ изъ общихъ собраній, при чемъ лица женскаго пола принимаются безъ такой баллотировки, по одобренію комитета. Размѣръ членскаго взноса—начиная отъ 10 р. въ годъ.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

По условіямъ разорочки, подписная плата за „Ниву“ 1906 года должна быть внесена полностью къ 1-му августа сего года. Контора журнала „Нива“ покорнѣе проситъ поэтому гг. подписчиковъ, не внесшихъ сполна подписныхъ денегъ, озаботиться немедленно присылкою остальной причитающейся съ нихъ суммы, во избѣжаніе остановки въ высылкѣ журнала съ № 40-го (отъ 7 октября). При высылкѣ денегъ гг. иногородные подписчики благоволятъ обозначать на видномъ мѣстѣ № печатнаго адреса съ бандерою или прилагать самый адресъ.

Содержаніе. Т Е К С Т Ъ: Соловей. Разсказъ К. Баранцевича. (Окончаніе).—Грозный дука. (Тосканская легенда). Н. Н. Брешко-Брешковскаго.—4000 градусовъ тепла.—Стихотвореніе. К. Фофанова.—Тормазы восточнаго парламентаризма. (Политическое обозрѣніе).—Наполеонъ диктуетъ маршалу Бертю свои распоряженія.—Иоганнъ-Филиппъ Пальмъ.—Смѣсь.—Заявленіе.—Объявленія.
Р И С У Н К И: Дѣти.—Наполеонъ диктуетъ маршалу Бертю свои распоряженія.—Назнъ юренбергскаго книгопродавца Пальма въ Браунау.—Первый смѣгъ.—4000 градусовъ тепла. 1) Загрузка матеріала въ электрическую печь по снятіи крышки. 2) Погруженіе въ холодную воду накаливавшегося въ печи тигля. 3) Электрическая печь Моассана въ дѣйствиіи. 4) Кусокъ льда не таетъ на электрической печи. 5) Рука не чувствуетъ жары на электрической печи. 6) Улетучиваніе паровъ кремня въ жару электрической печи.—Современная Персія (9 рисунковъ).—Новая усыпальница Императорской Фамиліи въ Петропавловской крѣпости въ Петербургѣ. Видъ съ главной аллеи.
Нѣ этому № прилагается: „Полнаго собранія сочиненій М. Е. Салтыкова-Щедрина“ нн. 33.

Редакторъ-издат. Л. Ф. Маркесъ.

Редакторъ В. Я. Свѣтловъ.

